

ВЛАД ГЕНДЕЛЕВ

СЛЕДОВАТЕЛЬ
ЦАРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ДМИТРИЙ СОБОЛЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕЧАТЬ

ДЕЛО
№4387
ОСОБОЕ ХРАНЕНИЕ

ПЕТЕРБУРГ
1911

Истину скрывают не документы.
Ее скрывают люди.

МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦИИ

Влад Генделев

Последняя Печать

<https://litres.ru/74284989>

SelfPub; 2026

Аннотация

1911 год. В архиве Министерства юстиции убит скромный архивариус Николай Артемьев. Перед смертью он успевает отправить письмо следователю царской канцелярии Дмитрию Соболеву — человеку, известному своей неподкупностью и редким умением видеть то, что скрыто за официальными документами. Единственная улика — сургучная печать, которой, согласно государственным архивам, не существует уже более двадцати лет.

Расследование приводит Соболева к таинственному делу 4387, исчезнувшим архивам, поддельным личностям и признанию, способному разрушить репутацию влиятельных людей Российской империи. Чем глубже он погружается в прошлое, тем яснее понимает: перед ним не цепь отдельных преступлений, а тщательно созданная система, десятилетиями управлявшая человеческими судьбами.

«Последняя печать» — атмосферный исторический детектив о власти документов, цене истины и выборе человека, который должен решить, что важнее: государственное спокойствие или правда, способная изменить историю.

Влад Генделев

Последняя Печать

Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев.

Книга I. Последняя печать

Пролог

«Бумага не умеет кричать. Поэтому люди ошибочно полагают, будто она не способна свидетельствовать».

Из записной книжки Дмитрия Петровича Соболева

Санкт-Петербург, январь 1911 года

Снег начался после полуночи.

Сначала редкий и невесомый, он почти не задерживался на камнях мостовой. Затем с Невы потянуло влажным холодом, ветер усилился, и белые хлопья повалили гуще, стирая очертания домов, карнизов и фонарей. К двум часам ночи столица исчезла под снегом, словно город накрыли чистым листом бумаги, чтобы утром написать на нем новую историю.

Во внутреннем дворе Министерства юстиции было темно. Только в одном из окон архивного корпуса горел свет.

Коллежский ассессор Николай Егорович Артемьев стоял у окна и смотрел, как снег засыпает следы на дворе. Еще чет-

верть часа назад там виднелась цепочка отпечатков, тянувшаяся от арки к служебному входу. Теперь от них остались лишь неглубокие углубления, а вскоре должны были исчезнуть и они.

Он отступил от окна и задернул тяжелую штору.

В кабинете сразу стало теснее.

Свет керосиновой лампы едва достигал высокого потолка. По стенам поднимались шкафы с архивными делами, толстыми книгами и связками бумаг. В углу тускло поблескивала дверца железной печи. Огонь в ней почти погас, но Артемьев не решался подбросить угля: всякий лишний звук казался ему опасным. Он прислушался. Ничего.

Лишь где-то в глубине здания потрескивали старые балки.

Николай Егорович служил в архиве двадцать восемь лет. Он знал каждый здешний звук и умел отличить осевшую половицу от осторожного человеческого шага. В молодости эта способность забавляла сослуживцев. Со временем над ним перестали смеяться. Артемьев мог, не выходя из кабинета, определить, кто идет по коридору: тяжелая походка начальника архива, шарканье старшего переписчика, быстрые шаги курьера, робкая поступь просителя, случайно забредшего не в ту часть здания.

Сегодняшних шагов он не узнавал. Они появлялись дважды.

Первый раз — около полуночи. Кто-то прошел по нижнему коридору, остановился у лестницы, затем вернулся к вхо-

ду.

Второй раз — менее получаса назад.

Теперь неизвестный поднялся на второй этаж. Артемьев услышал это совершенно отчетливо.

Но до его двери человек не дошел. Или сумел остановиться так бесшумно, что даже опытный слух архивариуса оказался бесполезен.

Николай Егорович вытер ладони платком. Несмотря на холод, они вспотели.

На письменном столе лежало раскрытое дело в темно-зеленом сафьяновом переплете. На корешке золотом был вытиснен номер:

Ни названия, ни фамилий, ни даты.

В верхнем углу обложки значилось:

«Особое хранение».

Такие дела не выдавали по обычным требованиям. Для доступа требовалось письменное разрешение министра или товарища министра. Даже начальник архива не имел права вскрывать их по собственной воле.

Однако дело номер 4387 не значилось ни в одной описи. Официально его не существовало.

Артемьев обнаружил его случайно — если случайностью можно было назвать ошибку, сделанную более двадцати лет назад.

Три недели назад из Государственной канцелярии поступило требование проверить старые реестры за 1889 год. Ис-

кали документы, связанные с передачей казенного земельного участка Обществу Северных железных дорог. Работа была обычной и скучной: сотни номеров, десятки описей, бесконечные подписи чиновников, давно ушедших в отставку или умерших.

На полях одного из реестров Артемьев заметил исправление.

Кто-то выскоблил первоначальный номер и вписал другой. Сделано было искусно, однако бумага под чернилами стала тоньше. На просвет проступали очертания цифр.

В основной описи под этим номером значилось дело о назначении уездного судьи в Вятской губернии.

Но запись была внесена позднее. Первоначальное название уничтожили.

Большинство архивариусов не придало бы этому значения. В старых реестрах встречалось множество ошибок: номера повторялись, дела перекладывались, названия исправлялись, бумаги терялись при переездах.

Николай Егорович оказался человеком, которому любопытство заменяло честолюбие.

Три вечера он искал исчезнувшее дело.

Нашел его в запертом шкафу за собранием циркуляров Министерства внутренних дел. Ключ от шкафа двадцать лет считался утраченным, но замок оказался слишком простым для человека, всю жизнь имевшего дело с канцелярскими

секретами.

Внутри лежал один темно-зеленый том.

Первые страницы не содержали ничего опасного: переписка о земельных владениях, долговые обязательства, выписки из метрических книг. Далее следовали свидетельские показания, заключения врачей и протокол опознания тела мужчины, погибшего при неясных обстоятельствах.

На последнем листе находилось личное признание.

Артемьев прочел его однажды. Потом второй раз. Затем закрыл дело, запер шкаф и ушел домой. Всю ночь он не спал.

На следующий день вернулся к документам и убедился, что не ошибся.

Признание было составлено рукой человека, имя которого до сих пор произносилось в столице с уважением. Его портреты висели в учреждениях, его пожертвования поддерживали больницы и приюты, его семье принадлежали земли, заводы и дома. Однако страшнее имени оказалась не сама исповедь.

Страшнее была печать. Она стояла под текстом рядом с двумя подписями.

Государственная печать особого образца.

Артемьев встречал ее отпечатки лишь несколько раз. Такой матрицей пользовались в конце восьмидесятых годов, когда старую печать уже признали негодной, а новую еще не успели изготовить. Переходный образец существовал меньше четырех месяцев и после замены должен был быть уни-

чтожен.

Но оттиск на признании был поставлен позже.

Почти на год позже официального уничтожения матрицы.

Николай Егорович подумал тогда, что видит подделку.

Он вызвал из хранилища три несомненно подлинных документа и несколько часов сравнивал линии герба, короны и скипетра. Совпадало все, включая микроскопическую трещину на правом крыле двуглавого орла.

Документ удостоверили печатью, которой к тому времени не должно было существовать.

Значит, либо матрицу не уничтожили, либо существовала вторая.

В тот же вечер Артемьев заметил человека в сером пальто.

Незнакомец стоял напротив его дома, под фонарем, и не скрывался. Лица было не разглядеть, но Николай Егорович видел, что мужчина смотрит прямо на его окна.

На следующий день кто-то вскрыл ящик его стола.

Еще через сутки исчезла копия архивной описи.

Тогда Артемьев понял: он не первый, кто знает о деле номер 4387.

И, возможно, не первый, кто попытается сохранить его.

Теперь темно-зеленый том лежал перед ним. Рядом находился лист бумаги, вынутый из дела.

Тот самый. С признанием.

Артемьев взял его за края и поднес к лампе. Бумага пожелтела, но чернила сохранились хорошо. Внизу темнел

большой сургучный оттиск. Двуглавый орел смотрел в две стороны, будто и сам не мог решить, где искать опасность.

Архивариус опустил лист.

Ему следовало передать документ начальству. Так предписывал долг.

Но кто был его начальством?

Начальник архива Богданов? Человек осторожный, привыкший не замечать того, что могло повредить карьере.

Товарищ министра? Его фамилия встречалась в позднейшей переписке по делу.

Сам министр? Артемьев не знал его лично и не был уверен, что письмо дойдет до адресата.

Оставалась полиция.

Однако документ касался людей, чье влияние простиралось гораздо дальше полицейских управлений.

Николай Егорович впервые за двадцать восемь лет службы оказался перед выбором, не предусмотренным ни одним циркуляром.

Он достал из кармана часы.

Без двадцати три.

До рассвета оставалось несколько часов.

Артемьев подошел к шкафу и снял с верхней полки третий том «Свода законов Российской империи» издания 1885 года. Книга была толстой, в кожаном переплете, с тисненым золотом корешком. Таких томов в архиве хранилось несколько десятков, и ни один чиновник не открыл бы их без

особой необходимости.

Архивариус положил книгу на стол.

Тонким ножом надрезал внутреннюю ткань переплета.

Руки дрожали, и лезвие дважды соскользнуло. Наконец образовалась узкая щель.

Артемьев сложил признание вчетверо. Замер.

Складывать старый документ было преступлением против архивных правил. Еще вчера одна мысль об этом показалась бы ему кощунственной.

Сегодня правила утратили смысл.

Он вложил лист под кожу переплета и разгладил ткань.

Теперь оставалось решить, кому сообщить о тайнике.

Артемьев вернул книгу на полку и достал из стола два конверта.

Первый был приготовлен заранее. На нем значилось имя княгини Елизаветы Андреевны Вяземской.

Он написал ей три короткие строки:

«Ваш супруг умер не там, где его похоронили. Ищите дело 4387. Никому не доверяйте».

Подумав, дописал: «Особенно тому, кто покажет вам печать».

Он перечитал записку и вычеркнул последнюю фразу.

Слишком поздно предупреждать человека о том, чего сам не понимал.

Второй конверт оставался пустым.

Артемьев долго смотрел на него, затем вывел имя:

«Его высокородию Дмитрию Петровичу Соболеву».

О следователе он знал по газетам и по рассказам чиновников. Говорили, Соболев не боится высоких фамилий и обладает неприятной привычкой замечать то, что другие предпочитают не видеть. Несколько лет назад он отказался закрыть дело, хотя получил приказ от человека, способного уничтожить его карьеру.

Такого следователя можно было либо купить, либо убить.

Купить Соболева пока никому не удалось.

Артемьев вложил в конверт чистый лист.

Писать подробности было опасно. Письмо могли перехватить. Нужна была лишь приманка, достаточно странная, чтобы заинтересовать следователя.

Он написал:

«Если желаете узнать истинную причину смерти архивариуса Николая Егоровича Артемьева, будьте сегодня к одиннадцати часам в архив Министерства юстиции. Не сообщайте никому.

Вы уже опоздали».

Последняя строка появилась сама собой.

Николай Егорович посмотрел на нее и почувствовал неприятный холод между лопатками.

Письмо выглядело так, словно его написал не живой человек, а покойник.

Он хотел зачеркнуть слова. Не успел. В коридоре скрипнула половица. На этот раз совсем рядом. Артемьев застыл.

Шаг. Пауза. Еще один.

Кто-то шел к его кабинету.

Николай Егорович быстро сложил письмо. Для сургуча требовалась печать. Он выдвинул нижний ящик, где хранились служебные матрицы, но остановился.

На письме к Соболеву нельзя было оставлять обычный архивный оттиск. Его могли перехватить и вернуть начальству.

Артемьев достал маленькую коробку, найденную вместе с делом номер 4387.

В ней лежала тяжелая металлическая матрица.

Та самая печать особого образца.

Он обнаружил ее в тайнике под нижней полкой шкафа. Именно находка матрицы окончательно убедила его, что дело не было подделкой. Кто-то сохранил инструмент, официально уничтоженный двадцать один год назад.

Зачем?

Чтобы удостоверить ложь?

Или чтобы однажды доказать правду?

Артемьев зажег свечу, нагрел красный сургуч и капнул на конверт. Несколько капель упали на стол. Он прижал матрицу.

Металл оказался ледяным.

Архивариусу почудилось, что он держит не печать, а руку мертвеца.

Когда сургуч застыл, на нем ясно проступил двуглавый орел.

Соболев должен был узнать оттиск.

Если слухи о его странном увлечении старинными печатями соответствовали истине.

Шаги остановились перед дверью.

Артемьев спрятал матрицу за пазуху и сунул конверты в ящик.

Ручка двери медленно повернулась.

Она была заперта.

Кто-то снаружи тихо постучал.

Три раза.

Не громко, почти вежливо.

— Кто там? — спросил Николай Егорович.

Голос прозвучал хрипло.

Ответа не последовало.

Затем из-за двери донеслось:

— Откройте, Николай Егорович. Нам необходимо поговорить.

Голос был мужским, спокойным и знакомым.

Артемьев закрыл глаза.

Он ожидал кого угодно.

Но не этого человека.

— Я закончил работу, — сказал он. — Приходите утром.

— Утром будет поздно.

— Тогда говорите через дверь.

Снаружи помолчали.

— Вы нашли то, что не должны были искать.

Артемьев почувствовал, как внутри него что-то неожиданно успокоилось.

Страх никуда не исчез. Просто перестал быть главным.

— В архиве нет документов, которые не следует искать,
— ответил он. — Есть лишь документы, которые кто-то не желает найти.

— Вы всегда любили красивые фразы.

— А вы всегда боялись простых вопросов.

За дверью снова наступила тишина.

Потом щелкнул замок.

Николай Егорович отступил.

Ключ находился у него в кармане.

Однако дверь медленно открылась.

На пороге стоял высокий человек в сером пальто. Снег на его плечах еще не растаял. Лицо скрывала тень от шляпы, но Артемьев и без того знал пришедшего.

— Вы привели кого-нибудь? — спросил архивариус.

— Нет.

— Значит, до сих пор считаете, что можете все исправить самостоятельно.

— Я пришел помочь вам.

— Вы пришли за делом.

Человек вошел и закрыл дверь.

— Где оно?

Артемьев указал на зеленый том, оставшийся на столе.

Незнакомец подошел, быстро перелистал страницы.

— Здесь нет последнего листа.

— Какого листа?

Человек поднял взгляд.

— Не заставляйте меня делать то, о чем мы оба пожалеем.

— Мы уже достаточно сделали, чтобы сожалеть.

— Где признание?

Николай Егорович молчал.

Незнакомец обошел стол. На его правой руке не было перчатки. На безымянном пальце блестел перстень с черным камнем. В камне была вырезана четырехлепестковая лилия, обращенная цветком вниз.

Артемьев смотрел на знак.

Впервые он увидел его двадцать один год назад.

В ту ночь, когда в архив привезли дело номер 4387.

Тогда перстень носил другой человек.

— Значит, это правда, — прошептал он.

— Что именно?

— Вы все еще служите им.

Лицо незнакомца изменилось, но лишь на мгновение.

— Не произносите слов, значения которых не понимаете.

— Я понимаю достаточно.

— Тогда скажите, где документ.

— Чтобы вы снова похоронили его на двадцать лет?

— Чтобы он не погубил невиновных.

Артемьев неожиданно рассмеялся.

Смех получился тихим и безрадостным.

— Невинных? В этом деле нет невинных. Есть мертвые, виновные и те, кто прожил слишком долго под чужими именами.

Человек в сером пальто шагнул ближе.

— Последний раз спрашиваю: где лист?

— Там, где его найдет человек, умеющий отличить печать от приговора.

Незнакомец посмотрел на него внимательно.

— Соболев?

Артемьев не ответил.

Но молчание оказалось признанием.

Человек перевел взгляд на ящик стола.

Архивариус бросился вперед.

Он был старше, слабее и не умел драться. Однако отчаяние придало ему неожиданную силу. Он ударил незнакомца плечом, пытаясь оттеснить от стола.

Тот перехватил его руку.

Произошло короткое движение.

Почти незаметное.

Николай Егорович почувствовал резкую боль под ребрами.

Отступил.

Посмотрел вниз.

На жилете расплывалось темное пятно.

— Зачем?.. — выдохнул он.

На лице человека в сером пальто отразилось не торжество,

а ужас.

Будто случилось нечто, чего он сам не ожидал.

— Я не хотел.

Артемьев оперся о стол.

Ноги перестали слушаться.

— Все вы... не хотите. А потом... двадцать лет объясняете мертвым... почему они должны были умереть.

Он медленно сполз на стул.

Незнакомец подхватил его, уложил голову на спинку и прижал платок к ране.

— Где лист, Николай Егорович? Скажите, и я вызову помощь.

— Вы ее не вызовете.

— Вызову.

— Тогда... зовите сейчас.

Человек не двинулся.

Артемьев слабо улыбнулся.

— Вот видите.

Кровь стекала под сюртук, но снаружи почти не была заметна. Если застегнуть одежду и посадить тело за столом, смерть могла показаться естественной. Сердце у Николая Егоровича и без того было больным. Врачи давно предупреждали его избегать волнений.

— Соболев все равно найдет, — прошептал архивариус.

— Не найдет.

— Тогда почему вы так боитесь?

Незнакомец отпустил его.

Николай Егорович закрыл глаза.

Последнее, что он слышал, был треск бумаги.

Человек в сером пальто вырывал страницы из дела.

Потом запахло дымом.

Огонь добрался до старых листов и на мгновение осветил кабинет ярче лампы.

Архивариус попытался поднять голову.

— Письмо...

Незнакомец обернулся.

— Какое письмо?

Но Николай Егорович уже не ответил.

Через несколько минут человек в сером пальто потушил горящие бумаги, тщательно осмотрел стол и шкафы, забрал зеленое дело и вытер дверную ручку платком. Затем поправил одежду покойного, задвинул стул и погасил лампу.

Перед уходом он заметил на столе каплю красного сургуча.

Рядом лежал четкий круглый оттиск, оставшийся после пробного нажатия матрицы.

Двуглавый орел.

Человек быстро ощупал карманы Артемьева.

Печати не было.

Он оглядел комнату.

Где-то в здании послышался шум.

Незнакомец поднял воротник и вышел.

Через десять минут в архив вернулся ночной сторож. Он увидел свет под дверью кабинета, постучал, не получил ответа и решил, что Николай Егорович уснул за работой.

Тело обнаружили только утром.

Врач министерства осмотрел покойного поверхностно. Одежду не сняли. Кровь успела высохнуть, а темная обивка стула скрыла пятно.

В заключении написали:

«Смерть от внезапного прекращения сердечной деятельности».

В восемь часов в архив прибыли трое неизвестных чиновников. Они предъявили начальнику удостоверения, которые тот не успел рассмотреть, и забрали несколько дел.

В девять курьер Министерства юстиции получил два конверта, найденных в ящике стола покойного.

Первый, адресованный княгине Елизавете Андреевне Вяземской, исчез прежде, чем покинул здание.

Второй доставили по назначению.

На красном сургуче стояла печать, которой официально не существовало уже двадцать один год.

А в третьем томе «Свода законов Российской империи», среди тысяч страниц, давно никому не нужных, лежало признание человека, считавшегося мертвым.

Внизу признания темнел тот же двуглавый орел.

И две подписи.

Одна принадлежала тому, кто погиб.

Вторая — человеку, которому предстояло встретиться с Дмитрием Петровичем Соболевым прежде, чем закончится этот день.

Глава I. Печать, которой не должно было существовать

«Подлинность документа устанавливают по печати. Подлинность человека — по тому, что он пытается скрыть».

Из записной книжки Дмитрия Петровича Соболева

Утро застало Петербург под снегом.

Город просыпался медленно, с неохотой. Дворники сгребали с тротуаров тяжелую белую кашу, извозчики бранились на лошадей, вязнувших у перекрестков, а редкие прохожие двигались вдоль домов, пригнув головы перед влажным ветром. Над крышами висело низкое серое небо, из которого продолжали сыпаться мелкие колючие хлопья.

В кабинете Дмитрия Петровича Соболева было тепло и почти беззвучно.

Огонь в камине уже прогорел, оставив под решеткой багровые угли. На письменном столе стоял нетронутый чай. Рядом лежала утренняя газета, раскрытая на сообщении о новом заседании Государственной думы, однако Соболев не прочел и половины колонки.

Перед ним находилась небольшая печать из темной бронзы.

Он приобрел ее накануне у старого букиниста с Литейного. Торговец утверждал, будто матрица принадлежала нотаариусу, служившему в Варшаве при Николае Павловиче. Рассказ был красивым и почти наверняка выдуманным. Букинист слишком часто поглядывал на лицо покупателя, пытаясь понять, верят ли ему.

Соболев не поверил.

Но печать купил.

Она была овальной, с почти стертым изображением раскрытой книги и латинскими словами по краю. На рукояти сохранилась глубокая царапина. Не случайная, а сделанная намеренно — будто владелец хотел отметить предмет, но не решился поставить инициалы.

Дмитрий Петрович нагрел красный сургуч над свечой, капнул на плотную бумагу и прижал матрицу.

Оттиск получился нечетким.

Левая сторона книги исчезла, зато под ней проступила тонкая линия, которой не было видно на металле. Соболев поднес лист к лампе и долго рассматривал его через увеличительное стекло.

Каждая печать имела две истории.

Первую рассказывал ее владелец.

Вторую — мастер, изготовивший матрицу.

Первая почти всегда была ложной.

Соболев откинулся на спинку кресла.

Коллекционировать печати он начал случайно. Несколько

лет назад, после дела, которое едва не стоило ему службы, вдова убитого чиновника передала ему старую семейную матрицу. Соболев сначала отказался. Женщина сказала, что муж хранил печать как напоминание о собственной слабости: однажды поставил ее под документом, которого не читал, и этим сломал жизнь невинному человеку.

Дмитрий Петрович взял подарок.

На внутренней стороне футляра написал:

«Человек чаще раскаивается в подписи, чем в поступке».

С тех пор после каждого значительного расследования в дубовом шкафу появлялась новая коробочка. В ней лежала печать и краткая фраза — не вывод следствия и не мораль, а правило, выведенное из чужой крови, страха или предательства.

Соболев никогда не показывал коллекцию посторонним.

Ему казалось неприличным выставлять человеческие ошибки напоказ.

Дверь кабинета открылась без стука.

— Дмитрий Петрович, вы опять заняты своим кладбищем?

Александр Сергеевич Лебедев вошел с видом человека, имеющего право нарушать чужое уединение. За последние годы он заметно изменился. Лицо стало худее, исчезла прежняя мальчишеская торопливость, а в движениях появилась осторожность, которую он раньше считал недостатком характера.

Соболев снял увеличительное стекло.

— Почему кладбищем?

— Потому что каждая ваша печать принадлежала либо покойнику, либо человеку, которому было бы лучше умереть до знакомства с вами.

— Несправедливо. Некоторые владельцы еще живы.

— Но, насколько я помню, почти все сидят.

— Не вижу противоречия.

Лебедев стряхнул снег с плеч и подошел к столу.

— Новая?

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

— Я еще не решил, достойна ли она коллекции.

Лебедев взял бумагу с оттиском.

— Отчего же? Вполне симпатичная.

— Вы сейчас рассуждаете как барышня, выбирающая брошь.

— А как следует рассуждать?

— Посмотрите на линию под книгой.

Лебедев приблизил лист к глазам.

— Царапина?

— Нет. Остаток прежнего рисунка.

— Матрицу переделали?

— Именно. Раньше на ней было другое изображение.

— Какое?

— Пока не знаю.

— И это вас развлекает ранним утром?

— Это заставляет думать.

Лебедев положил лист на стол.

— Я предпочитаю задачи, в которых преступник уже известен и остается лишь найти доказательства.

— Поэтому вы никогда не станете хорошим преступником.

— Благодарю.

— Это был комплимент.

— От вас они всегда звучат подозрительно.

Соболев собирался ответить, когда в передней раздался звонок.

Не обычный звонок посетителя, а короткий и резкий, словно человек за дверью не просил впустить его, а напоминал об обязанности хозяина.

Послышались шаги Степана.

Через несколько секунд старый слуга появился на пороге.

— Из Министерства юстиции, Дмитрий Петрович.

— Кто?

— Курьер. Говорит, что должен передать лично.

— Пусть войдет.

Курьер оказался совсем молодым чиновником с красными от холода щеками. На форменной шинели таял снег. Он поклонился Соболеву, затем Лебедеву и молча протянул серый конверт.

— От кого? — спросил Дмитрий Петрович.

— Не могу знать, ваше высококородие. Мне передали в канцелярии.

— В какой именно?

— В общей экспедиции.

— Кто передал?

Юноша замялся.

— Господин секретарь.

— Имя у господина секретаря имеется?

— Вероятно.

Лебедев отвернулся к окну, скрывая улыбку.

Соболев не изменился в лице.

— Вероятность меня не интересует.

— Простите, ваше высококородие. Я не спросил.

— Вам приказали ждать ответа?

— Нет. Только доставить и получить расписку.

Курьер раскрыл книгу. Соболев поставил подпись, после чего чиновник торопливо откланялся.

Когда дверь закрылась, Лебедев заметил:

— Вы его напугали.

— Я задал два вопроса.

— Именно этого чиновники и боятся сильнее всего.

Серый конверт лежал на столе.

На нем не было адреса, лишь имя Соболева, написанное крупным канцелярским почерком. Нижний край скреплял круглый оттиск красного сургуча.

Дмитрий Петрович не прикоснулся к письму.

Сначала наклонился.

Потом придвинул лампу.

Лебедев проследил за его взглядом.

— Что-то с печатью?

Соболев достал увеличительное стекло.

В центре оттиска находился двуглавый орел под тремя коронами. В одной лапе он держал скипетр, в другой — державу. Рисунок был выполнен тонко, почти ювелирно. Даже на сургуче различались перья на крыльях.

— Видите правое крыло? — спросил Соболев.

— Вижу крыло.

— На третьем ряду перьев идет трещина.

Лебедев прищурился.

— Вы уверены?

— Да.

— Мне кажется, это просто складка сургуча.

— Потому что вы смотрите на сургуч. А я — на матрицу.

Соболев поднялся, подошел к дубовому шкафу и открыл нижнюю дверцу. Там хранились альбомы с копиями старых государственных оттисков. Он достал один, перелистал несколько страниц и остановился на листе с тремя печатями.

Лебедев подошел ближе.

— Похожи.

— Они не похожи. Они одинаковы.

— Тогда в чем странность?

Соболев указал на подпись под образцом:

«Временная печать Государственной канцелярии. Май — август 1889 года».

— Такой матрицей пользовались четыре месяца, — сказал он. — Затем ее признали негодной из-за трещины и заменили.

— И что с ней стало?

— По документам — уничтожена.

Лебедев снова посмотрел на конверт.

— Возможно, в альбоме ошибка.

— Возможно.

— Или уничтожили не все экземпляры.

— Официально существовал один.

— Значит, он сохранился.

— Или изготовили второй.

Соболев осторожно провел ножом под сургучом и снял печать целиком, не разломив. Затем вскрыл конверт.

Внутри лежал один лист английской бумаги.

Текст занимал несколько строк:

«Если желаете узнать истинную причину смерти архивариуса Николая Егоровича Артемьева, прибудьте сегодня к одиннадцати часам в архив Министерства юстиции.

Не сообщайте никому.

Вы уже опоздали».

Подписи не было.

Соболев прочел записку еще раз и передал Лебедеву.

— Знаете Артемьева? — спросил тот.

— Нет.

— Может быть, он жив?

— В таком случае автор выбрал неудачное выражение.

— «Истинная причина смерти» могла относиться к будущему.

— А последние слова?

Лебедев пожал плечами.

— Попытка напугать.

— Или сообщить факт.

Он взял часы.

Было четверть десятого.

— Поедем.

— Вы не хотите сначала запросить сведения об Артемьеве?

— Они ждут нас в архиве.

— Кто?

— Это и выясним.

Пока Степан подавал пальто, Соболев спрятал сургучный оттиск в маленький кожаный футляр. Лебедев заметил это, но ничего не сказал.

Они вышли на улицу.

Снег почти прекратился, однако ветер с Невы усилился. Экипаж двигался медленно. Колеса скрипели по утрамбованной белой колее, лошади тяжело дышали, над их спинами поднимался пар.

Лебедев сидел напротив, прижав к коленям трость.

— Почему письмо прислали именно вам?

— Не знаю.

— Но вы что-то думаете.

— Я всегда что-то думаю.

— Это уклончивый ответ.

— Вы прогрессируете.

Экипаж выехал на Невский. У витрин собирались прохожие. Газетчики выкрикивали заголовки, мальчишки бросались снежками, полицейский на перекрестке безуспешно пытался навести порядок среди саней.

— Допустим, Артемьев обнаружил нечто важное, — продолжил Лебедев. — Почему не обратиться к начальству?

— Возможно, он не доверял начальству.

— К полиции?

— Возможно, не доверял полиции.

— А вам доверял?

— Люди часто доверяют тем, кого не знают. Это избавляет их от разочарований.

Лебедев помолчал.

— Печать связана с его смертью?

— Иначе ее не поставили бы на конверте.

— Или поставили именно для вас.

Соболев посмотрел на него с одобрением.

— Продолжайте.

— Автор знал о вашей коллекции.

— Об этом знают немногие.

— Я, Степан, несколько коллег...

— И владельцы печатей, которых я приобретал.

— Таких десятки.

— Значит, список подозреваемых уже есть.

Лебедев усмехнулся.

— Мы еще не видели покойника, а у вас уже подозреваемые.

— У меня есть люди, способные знать о коллекции. Это не одно и то же.

Архив Министерства юстиции размещался в старом корпусе, скрытом за главным зданием. Во внутреннем дворе снег расчистили только у входа. Остальная площадка оставалась нетронутой.

Соболев спустился из экипажа и задержался.

От арки к двери вели следы нескольких человек. Одни были свежими, другие успело припорошить снегом. Чуть в стороне виднелась отдельная цепочка узких отпечатков.

Женские сапоги.

Следы начинались у ворот, подходили к входу, затем возвращались назад. Женщина не вошла в здание или сделала это через другую дверь.

— Что вы смотрите? — спросил Лебедев.

— Кто-то был здесь ночью.

— Половина Петербурга ходит по снегу.

— Половина Петербурга не стоит десять минут перед закрытым архивом.

Он указал на глубокие следы у стены. Женщина долго оставалась на одном месте.

Дверь распахнулась.

На крыльцо вышел невысокий полный человек в форменном сюртуке. Лицо у него было серым, будто всю ночь он провел без сна.

— Дмитрий Петрович Соболев?

— Да.

— Начальник архива Богданов. Сергей Иванович.

Он поклонился и протянул руку, но Соболев не ответил сразу.

— Николай Егорович Артемьев умер?

Богданов опустил ладонь.

— Сегодня ночью.

— Отчего?

— Сердце.

— Кто установил?

— Наш врач.

— Вскрытие производилось?

— Нет. Зачем? Николай Егорович давно жаловался.

— Где тело?

— Пока в его кабинете. Ждем родственников и людей из похоронной конторы.

Лебедев взглянул на Соболева.

— Письмо отправил покойный, — тихо сказал он.

Богданов вздрогнул.

— Какое письмо?

— Кто входил в кабинет после обнаружения тела? — спросил Соболев, не отвечая.

— Я. Врач. Служитель. Потом приезжали трое из министерства.

— Имена?

— Они не назвали.

— Удостоверения?

— Предъявили.

— Вы их прочли?

Богданов замялся.

— Они действовали уверенно.

— Это не ответ.

— Нет. Не прочел.

— Что они делали?

— Осматривали бумаги. Забрали несколько папок.

— Составили опись?

Молчание начальника архива было достаточным.

Соболев прошел мимо него в здание.

Внутри пахло пылью, воском и сыростью. Лестница была узкой. На ступенях лежали темные ковровые дорожки, поглощавшие звук шагов.

Кабинет Артемьева находился в конце второго этажа.

Перед дверью стоял молодой служитель с испуганным лицом.

— Никого не впускали? — спросил Соболев.

— После господ из министерства — никого.

— Дверь запиралась?

— Нет.

— Очень предусмотрительно.

В кабинете было холодно.

Николай Егорович сидел за письменным столом, откинув голову на высокую спинку кресла. Сюртук застегнут, руки лежали на подлокотниках. На лице застыло выражение усталости, почти покоя.

На первый взгляд он действительно мог умереть от сердца.

Соболев не подошел к телу.

Сначала осмотрел комнату.

Открытый шкаф.

Пустое место на нижней полке.

Сгоревшие листья в металлической чаше.

Сдвинутый к стене стул.

Капля красного сургуча на столе.

— Где зеленое дело? — спросил он.

Богданов побледнел.

— Какое?

— То, которое стояло здесь.

Он указал на прямоугольник чистой пыли в шкафу.

— Я не знаю.

— Его забрали утренние посетители?

— Возможно.

Соболев надел тонкие перчатки и подошел к покойному.
Расстегнул верхнюю пуговицу сюртука.

Затем вторую.

Богданов шумно втянул воздух.

На жилете темнело большое бурое пятно.

Лебедев оказался рядом.

— Кровь.

Соболев осторожно раздвинул ткань.

Под левым ребром виднелась узкая рана.

— Ваш врач осматривал тело? — спросил он.

— Да.

— Или посмотрел на лицо и решил, что этого достаточно?

Богданов не ответил.

Соболев выпрямился.

— Николай Егорович умер не от сердца.

В коридоре слышались шаги.

Легкие, ровные.

У двери возникла женщина.

Она была высокой, в черном зимнем платье и темной шляпе с короткой вуалью. С плеч еще не успел растаять снег. Ее лицо казалось бледным, почти прозрачным на фоне темного меха, а серо-зеленые глаза смотрели на комнату с необычайным спокойствием.

На правой руке женщины блеснул перстень с черным камнем.

В камне была вырезана перевернутая лилия.

— Простите, — произнесла она. — Мне сказали, что здесь находится Николай Егорович Артемьев.

Соболев посмотрел на ее сапоги.

Подошвы были узкими.

Точно такими, какие оставили следы у входа.

— Вы приходили сюда ночью, — сказал он.

Женщина перевела взгляд на следователя.

В ее лице не дрогнул ни один мускул.

— Да.

— Но не вошли.

— Дверь была заперта.

— Зачем вы приходили?

Она посмотрела на мертвого архивариуса.

— Он обещал вернуть мне мужа.

В комнате стало тихо.

Соболев перевел взгляд на черный перстень.

— Представьтесь.

Женщина подняла вуаль.

Теперь ее красота стала почти вызывающей — не мягкой и не приветливой, а холодной, тревожной, заставлявшей одновременно смотреть и отводить глаза.

— Княгиня Елизавета Андреевна Вяземская.

Она выдержала короткую паузу.

— А вы, полагаю, тот человек, которому Николай Егорович собирался передать печать.

Соболев ничего не ответил.

Княгиня посмотрела на его карман, где лежал футляр с сургучным оттиском.

И едва заметно улыбнулась.

— Значит, он все-таки успел.

В этот момент Дмитрий Петрович понял, что письмо было отправлено не для того, чтобы привести его к мертвому архивариусу.

Его привели к этой женщине.

Глава II. Женщина у закрытой двери

«Человек, пришедший слишком рано, почти всегда чего-то боится. Человек, пришедший слишком поздно, обычно чего-то добивается».

Из записной книжки Дмитрия Петровича Соболева

Елизавета Андреевна Вяземская произнесла последние слова спокойно, почти буднично, однако в холодном кабинете они прозвучали так, словно давно были подготовлены именно для этой минуты.

Соболев смотрел на нее молча.

Княгиня не опускала глаз.

Между ними стоял письменный стол, за которым сидел мертвый архивариус. Николай Егорович Артемьев словно продолжал участвовать в разговоре, хотя уже не мог ни подтвердить, ни опровергнуть сказанное.

Начальник архива Богданов первым нарушил тишину.
— Елизавета Андреевна, вам нельзя здесь находиться.
Она медленно повернула голову.

— Почему?

— Здесь произошло... несчастье.

— Нет, Сергей Иванович. Здесь произошло убийство.
Богданов побледнел сильнее.

— Кто вам сказал?

— Никто.

Княгиня посмотрела на бурое пятно, проступившее на жилете покойного.

— Но иногда достаточно не отворачиваться.

Лебедев подошел к двери и встал так, чтобы перекрыть выход.

Сделал он это без особой демонстративности, но Елизавета заметила движение.

Ее губ коснулась легкая улыбка.

— Вы намерены меня задержать?

— Пока лишь прошу остаться, — сказал Соболев.

— Это одна и та же просьба, произнесенная в разном тоне.

— Тогда считайте, что я выбрал вежливый.

Княгиня сняла перчатки.

Пальцы у нее были длинные и тонкие, без колец, кроме перстня с черным камнем. Вблизи четырехлепестковая лилия казалась не вырезанной, а утопленной в глубину минерала. Лепестки были обращены вниз, словно цветок рос кор-

нями к небу.

Соболев указал на стул у стены.

— Присядьте.

— Я предпочту стоять.

— Как угодно.

Он повернулся к Богданову.

— Сергей Иванович, кабинет следует запереть. Никто не должен входить или выходить без моего разрешения.

— Но родственники Николая Егоровича...

— Подождут.

— А люди из министерства могут вернуться.

— Тем более.

Богданов колебался.

Соболев посмотрел на него чуть внимательнее.

— Вы чего-то опасаетесь?

— Я служу в министерстве двадцать лет.

— Это не ответ.

— Для человека на государственной службе иногда вполне достаточный.

Соболев едва заметно кивнул.

— В таком случае принесите журнал посещений, книгу выдачи архивных дел, личное дело Артемьева и имена всех, кто дежурил этой ночью.

— Мне потребуется разрешение начальства.

— Убийство уже выдало мне разрешение.

— Вы не имеете официального поручения.

— Пока.

— Тогда...

— Сергей Иванович, — тихо произнес Соболев, — если до моего возвращения из этой комнаты исчезнет хотя бы клочок бумаги, вы станете не свидетелем, а участником сокрытия преступления. Объяснять разницу министру будете сами.

Богданов открыл рот, но передумал спорить.

— Я распоряжусь.

Он вышел, прикрыв дверь.

Лебедев подождал, пока шаги стихнут.

— Вы уверены, что он принесет документы?

— Уверен, что попытается выяснить, кто сильнее: мы или те трое, что приезжали утром.

— А если решит, что сильнее они?

— Тогда станет полезнее, чем если бы принес журналы.

Елизавета внимательно наблюдала за ними.

— Вы всегда разговариваете при посторонних так, будто их нет в комнате?

— Только если посторонние уже знают больше, чем говорят.

— В таком случае я вам даже благодарна.

Соболев подошел к окну.

Снаружи по-прежнему шел мелкий снег. Во дворе служитель расчищал дорожку от арки к входу, уничтожая следы, которые еще час назад могли что-то рассказать.

— Вы приходили сюда ночью, — сказал Дмитрий Петрович. — Во сколько?

— Около половины третьего.

— Почему именно тогда?

— Николай Егорович прислал мне записку.

— Где она?

Елизавета не ответила.

— Княгиня?

— Записку у меня забрали.

— Кто?

— Человек, который вошел в архив через несколько минут после моего ухода.

Лебедев нахмурился.

— Вы его видели?

— Видела силуэт.

— Мужчина?

— Полагаю.

— Во что был одет?

— В серое пальто.

Соболев и Лебедев переглянулись.

— Лицо?

— Нет.

— Рост?

— Выше среднего.

— Походка?

— Спокойная. Человек не боялся, что его заметят.

— Откуда вы наблюдали?

— Из экипажа у арки.

— Тогда почему не сообщили полиции?

— Потому что записка Николая Егоровича содержала просьбу не обращаться в полицию.

— Вы всегда исполняете просьбы людей, которых считаете в опасности?

— Только тех, кто не склонен к театральности.

Соболев подошел ближе.

— Повторите текст записки.

На лице Елизаветы впервые появилось нечто похожее на сомнение.

— «Приезжайте в архив сегодня ночью. Я нашел документ, касающийся смерти вашего мужа».

— И все?

— Нет.

— Продолжайте.

— «Если я не открою, не стучите второй раз. Уезжайте и ждите человека, который поймет значение печати».

Соболев задержал взгляд на перстне.

— Какой печати?

— Этого он не пояснил.

— Вы знали, о чем речь?

— Предполагала.

— И что же предполагали?

Елизавета медленно повернула черный камень внутрь ла-

дони.

— Что Николай Егорович нашел документ из личного архива моего мужа.

— При чем здесь государственная печать?

— Мой муж служил в Министерстве императорского двора.

— В каком качестве?

— Чиновником особых поручений.

— Это широкое определение.

— Оно и задумывалось широким.

— Когда он умер?

— Семь лет назад.

— Обстоятельства?

— Утонул во время охоты в Финляндии.

— Тело нашли?

— Через шесть дней.

— Вы его опознали?

Княгиня не ответила сразу.

— Нет.

— Почему?

— Мне не позволили.

— Кто?

— Старший брат моего мужа и чиновник, прибывший из Петербурга.

— Имя чиновника?

— Тогда он представился как Павел Сергеевич Костома-

ров.

Соболев заметил, что Лебедев едва заметно изменился в лице.

— Вы знаете его? — спросил Дмитрий Петрович.

— Фамилия знакомая. Кажется, Костомаров служил в Департаменте полиции.

— Служил, — сказала Елизавета. — Теперь занимает другой пост.

— Какой?

— Советник при Министерстве внутренних дел.

— Вы уверены?

— Я семь лет слежу за людьми, которые присутствовали на похоронах моего мужа. В некоторых вещах я уверена больше, чем в собственном имени.

Соболев повернулся к телу Артемьева.

— Николай Егорович сообщил вам, что ваш супруг умер не там, где его похоронили?

— Нет.

— Но вы сказали: «Он обещал вернуть мне мужа».

— Это не одно и то же.

— Объясните разницу.

Елизавета подошла к столу.

На мертвого архивариуса она смотрела без слез, однако ее пальцы крепко сжались на краю столешницы.

— После похорон я получила письмо.

— От мужа?

— Почерк был его.

— Что в нем говорилось?

— Только одна фраза: «Не верь телу, которое не видела».

— Когда пришло письмо?

— Через три дня после погребения.

— Конверт сохранился?

— Да.

— Печать?

Она подняла глаза.

— Именно поэтому я здесь.

Соболев молчал.

— На письме стоял оттиск временной печати Государственной канцелярии, — продолжила Елизавета. — Той самой, которой, по официальным сведениям, не существовало уже много лет.

— Откуда вы знали это?

— Мой отец был дипломатом и собирал государственные оттиски. После его смерти часть коллекции перешла ко мне.

— Вы разбираетесь в печатях?

— Достаточно, чтобы понять: письмо либо подлинное, либо его подделал человек, знавший не только почерк моего мужа, но и тайну уничтоженной матрицы.

Лебедев посмотрел на Соболева.

— Значит, отправитель знал о коллекциях их обоих.

— Возможно, — сказал Дмитрий Петрович.

Елизавета услышала.

— Вы полагаете, что нас свели намеренно?

— Я пока ничего не полагаю. Я устанавливаю, кто и что знал.

— Вы всегда так осторожны?

— Только когда мне предлагают слишком удобное объяснение.

Княгиня усмехнулась.

— Мне говорили, что вы неприятный человек.

— Кто?

— Люди, которым пришлось отвечать на ваши вопросы.

— Они преувеличивали?

— Пока нет.

Соболев взял со стола нож для бумаг и осторожно приподнял обгоревшие листы в металлической чаше. Верхние края превратились в пепел, но нижние части сохранились.

Он расправил один фрагмент на чистой бумаге.

Виднелись несколько слов:

«...опознание произведено...»

Ниже:

«...по просьбе князя А. В...»

Остальное уничтожил огонь.

— Князь А. В., — произнес Лебедев. — Андрей Вяземский?

Елизавета наклонилась.

— Возможно.

— Ваш супруг участвовал в опознании чьего-то тела?

— Я не знаю.

— Или кто-то опознавал его тело по его собственной просьбе, — заметил Соболев.

Она резко выпрямилась.

— Это невозможно.

— Почему?

— Мертвые не просят опознавать себя.

— Именно поэтому такая просьба была бы полезна живому.

В глазах княгини мелькнуло раздражение.

— Вы хотите сказать, что мой муж инсценировал смерть?

— Я хочу сказать, что в сгоревшем документе встречаются его инициалы.

— И уже готовы построить из этого обвинение?

— Пока только вопрос.

— Для вас вопросы опаснее обвинений.

— Иногда.

Соболев вернулся к телу.

Рана была узкой, нанесенной тонким клинком. Крови на сюртуке почти не было, зато под жилетом ткань промокла насквозь. Удар пришелся снизу вверх, под ребро.

— Убийца стоял близко, — сказал Лебедев.

— Очень близко.

— Артемьев впустил его сам?

Соболев осмотрел замок.

На металлической пластине виднелись свежие царапины.

— Нет. Дверь открыли отмычкой или вторым ключом.

— Тогда почему покойный не звал на помощь?

— Возможно, узнал голос.

Елизавета сказала:

— Он боялся человека в сером пальто.

— Откуда вам известно?

— В записке была еще одна строка.

Соболев медленно повернулся.

— Вы утверждали, что повторили текст полностью.

— Я передумала.

— Это плохая привычка во время допроса.

— Это не допрос.

— Ошибаетесь.

Княгиня выдержала его взгляд.

— Николай Егорович написал: «Если увидите серое пальто, не называйте имени мужа».

— Почему вы скрыли это?

— Хотела понять, знаете ли вы о нем сами.

— Удовлетворены?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы не удивились.

Соболев не стал отрицать.

— Мы нашли письмо покойного, — сказал он. — На нем стояла уничтоженная государственная печать.

Елизавета впервые посмотрела на его карман открыто.

— Покажите.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы слишком заинтересованы.

— А вы недостаточно?

— Именно это меня и беспокоит.

Она отвернулась.

На несколько секунд в комнате снова стало тихо.

Затем Лебедев подошел к книжному шкафу.

— Здесь чего-то не хватает.

Соболев посмотрел.

На нижней полке среди толстых томов оставался узкий промежуток. Пыль вокруг была нарушена.

— Зеленого дела? — спросил Лебедев.

— Нет. Для архивного тома место слишком узкое.

Елизавета приблизилась.

— Здесь стоял «Свод законов».

Соболев взглянул на нее.

— Откуда вы знаете?

— Николай Егорович однажды показывал мне кабинет.

— Когда?

— Два месяца назад.

— Вы встречались с ним раньше?

— Несколько раз.

— И снова решили сообщить об этом постепенно?

— Я еще не решила, насколько могу вам доверять.

— Удивительное совпадение. Я думаю о вас то же самое.
Лебедев провел пальцем по корешкам.

— Третий том отсутствует.

На верхней полке стояли первый, второй, четвертый и пятый тома издания 1885 года.

Соболев наклонился и осмотрел пол.

У ножки шкафа лежала крошечная полоска темной кожи.

Он поднял ее пинцетом.

— Переплет разрезали.

— Чтобы спрятать документ? — спросил Лебедев.

— Или вынуть.

Елизавета побледнела.

— Если книга исчезла, значит, человек в сером пальто нашел признание.

— Какое признание?

Она поняла ошибку слишком поздно.

Соболев медленно распрямился.

— Вы знаете, что искал Артемьев.

— Я предполагала.

— Нет. Вы называли документ.

— Николай Егорович говорил, что обнаружил письменное признание.

— Чье?

— Не сказал.

— Когда?

— Вчера днем.

— Лично?

— Да.

— Где?

— В Казанском соборе.

Лебедев удивился.

— Архивариус назначил встречу в соборе?

— Там легко затеряться и трудно подслушивать.

— Напротив, — сказал Соболев. — В соборе легко подслушивать, потому что никто не знает, кто молится, а кто слушает.

Он приблизился к княгине.

— Что еще сообщил Артемьев?

Елизавета молчала.

— Каждый раз, когда вы скрываете часть разговора, мертвый человек становится для вас менее полезным свидетелем.

— Вы говорите так, будто его смерть на моей совести.

— Пока лишь на совести того, кто нанес удар. Но ложь свидетеля иногда помогает убийце не хуже оружия.

Эти слова задела ее.

— Хорошо.

Она сняла шляпу и положила на край стола.

Темные волосы были собраны низко, без украшений.

— Николай Егорович сказал, что нашел дело о смерти человека, которого похоронили под чужим именем. В деле находилось признание, удостоверенное государственной печатью. Он не назвал ни автора, ни покойного.

— Но вы решили, что речь о вашем муже.

— Потому что он попросил принести письмо, полученное после похорон.

— Вы принесли?

— Да.

— Где оно?

Елизавета посмотрела на дверь.

— Было при мне, когда я приехала ночью.

— А теперь?

— Исчезло.

— Человек в сером пальто обыскал вас?

— Нет.

— Тогда как?

— После того как дверь мне не открыли, я вернулась в экипаж. Кучер лежал на козлах без сознания. Я наклонилась к нему. В этот момент кто-то ударил меня сзади.

Лебедев нахмурился.

— Вы потеряли сознание?

— На несколько минут.

— Почему не сказали сразу?

— Потому что женщина, признающаяся двум мужчинам, что позволила ударить себя по голове и украсть письмо, редко производит впечатление надежного свидетеля.

— Вы не позволили, — сказал Соболев. — Вас застали врасплох.

— Благодарю за утешение.

— Это не утешение. Кто знал, что письмо будет при вас?

— Николай Егорович.

— Еще кто?

— Никто.

— Мужчины, следившие за вами?

— Возможно.

— Слуги?

— Моя камеристка помогала мне одеваться.

— Имя?

— Мария Яковлева.

— Кучер?

— Федор.

— Где он сейчас?

— Дома. Врач сказал, что его усыпили каким-то препара-

том.

— Вы уверены, что он жив?

Елизавета посмотрела на Соболева.

— Полчаса назад — был.

В коридоре раздался шум.

Кто-то говорил с Богдановым громко и раздраженно.

Дверь распахнулась.

В кабинет вошел высокий мужчина лет пятидесяти в безупречном мундире действительного статского советника. За ним появились двое служащих министерства.

У вошедшего было сухое лицо, аккуратно подстриженные седые бакенбарды и глаза человека, привыкшего считать лю-

бое сопротивление проявлением дурного воспитания.

— Что здесь происходит?

Богданов остановился за его спиной.

— Дмитрий Петрович, это товарищ министра юстиции
Аркадий Павлович Ремезов.

Соболев поклонился.

— Мы устанавливаем обстоятельства убийства.

Ремезов посмотрел на Артемьева.

— Мне сообщили о смерти от сердечного приступа.

— Вас ввели в заблуждение.

— Кто уполномочил вас вести расследование?

— Покойный.

— Неуместная шутка.

— Я не шучу.

Ремезов перевел взгляд на Елизавету.

На краткий миг его самообладание исчезло.

Совсем немного.

Но Соболев заметил.

Княгиня тоже.

— Вы? — произнес чиновник.

— Доброе утро, Аркадий Павлович.

— Вам здесь нечего делать.

— Вы говорили то же самое семь лет назад, когда мне не
позволили увидеть тело мужа.

Лицо Ремезова стало неподвижным.

— Это не место для старых семейных недоразумений.

— Мертвые мужчины всегда становятся семейным недо-
разумением, когда живым неудобно отвечать на вопросы.

Товарищ министра повернулся к Соболеву.

— Я требую немедленно очистить кабинет. Тело будет пе-
редано родственникам, документы опечатаны, дальнейшее
разбирательство проведет министерская комиссия.

— Комиссия уже приезжала утром?

— О чем вы?

— Трое неизвестных забрали архивные дела без описи.
Ремезов посмотрел на Богданова.

— Кто позволил?

— Они предъявили удостоверения, ваше превосходитель-
ство.

— Какие?

— Из Особой канцелярии.

— У министерства нет подразделения с таким названием,
— холодно сказал Ремезов.

Богданов побелел.

Соболев наблюдал за товарищем министра.

Удивление выглядело убедительным.

Слишком убедительным.

— Аркадий Павлович, — произнес Дмитрий Петрович,
— вам известно дело номер 4387?

Ремезов не ответил сразу.

— В архиве тысячи дел.

— Это находилось на особом хранении и не числилось в

описи.

— Тогда откуда вам известен номер?

— От покойного.

— В письме?

— Вы знаете о письме?

Короткая пауза оказалась красноречивее ответа.

Ремезов понял свою ошибку.

— Я предполагаю, что именно письмо привело вас сюда.

— Кто сообщил вам о нем?

— Никто. Это очевидно.

— Не всем.

Соболев вынул кожаный футляр.

Открыл.

На свет появился целый сургучный оттиск с двуглавым орлом.

Ремезов увидел печать.

Его лицо не изменилось, но правая рука медленно сжалась в кулак.

Елизавета наблюдала за ним почти с торжеством.

— Вы узнаете оттиск? — спросил Соболев.

— Нет.

— Тогда почему испугались?

— Я не испугался.

— Вы посмотрели не на герб, а на трещину правого крыла.

Человек, не знающий печати, сначала видит орла.

Ремезов молчал.

Соболев закрыл футляр.

— Дело номер 4387 касается князя Андрея Вяземского?

— Не имею понятия.

— Тогда вы не станете возражать против официального расследования.

— Стану. По причинам государственной безопасности.

— Без знания содержания дела?

Ремезов подошел ближе.

— Дмитрий Петрович, вы талантливый следователь. Именно поэтому вам следует понять: существуют документы, чья подлинность опаснее их подделки.

— Для кого?

— Для государства.

— Государство редко истекает кровью под левым ребром.

— Вы играете словами.

— А кто-то играет мертвыми.

Товарищ министра понизил голос:

— Отдайте мне печать.

— Нет.

— Это государственная собственность.

— Сургуч принадлежит конверту, конверт — следствию, а следствие — пока мне.

— Вы пожалеете.

— Возможно. Но не сегодня.

Ремезов долго смотрел на него, затем повернулся к спутникам.

— Кабинет опечатать. Никого не впускать. Тело передать судебному врачу.

— Печать будете ставить какую? — спросил Соболев.
Чиновник остановился.

— Простите?

— Я хотел бы убедиться, что она существует официально.
Лебедев кашлянул, скрывая улыбку.

Ремезов вышел, не попрощавшись.

Его спутники последовали за ним.

Богданов задержался на пороге.

— Что мне делать?

— Принести документы, о которых я просил.

— А приказ товарища министра?

— Он велел опечатать кабинет. Мы еще внутри.

Начальник архива поспешно удалился.

Елизавета надела шляпу.

— Теперь вы понимаете, почему я не обратилась к начальству?

— Начинаю.

— И доверяете мне больше?

— Нет.

— Жаль.

— Но вы стали интереснее.

— От следователя это звучит почти неприлично.

Соболев подошел к пустому месту на книжной полке.

— Кто-то забрал третий том «Свода законов».

— Люди, приезжавшие утром?

— Возможно.

— Тогда признание у них.

— Нет.

Лебедев удивился.

— Почему вы уверены?

Соболев указал на полоску кожи.

— Переплет разрезали здесь. Если бы документ нашли, книга осталась бы. Том унесли, потому что тайник не обнаружили или не успели осмотреть.

— Значит, признание все еще внутри?

— Вероятно.

— Но книга исчезла.

— Не совсем.

Он посмотрел на Елизавету.

— Вы сказали, что Артемьев показывал вам кабинет два месяца назад. Третий том стоял на этой полке?

— Да.

— Вы запомнили переплет?

— Темно-коричневая кожа. На корешке небольшое золотое пятно над цифрой три.

— Пятно или знак?

Княгиня задумалась.

— Скорее царапина в форме креста.

Соболев взял шляпу.

— Александр Сергеевич, выясните, куда вынесли книги

из кабинета. Обыщите служебные комнаты, кладовые, печи, экипажи всех утренних посетителей.

— А вы?

— Поеду с княгиней.

Елизавета приподняла бровь.

— Вы даже не спросите моего согласия?

— Спрошу в экипаже.

— Куда мы едем?

— К вашему кучеру.

Ее лицо стало серьезным.

— Вы думаете, он видел нападавшего?

— Думаю, человек, которого усыпили, иногда замечает больше бодрствующих.

Они вышли из кабинета.

На лестнице Елизавета шла впереди.

У самого выхода Соболев заметил на внутренней стороне ее левой перчатки тонкий красный след.

Сургуч.

Он ничего не сказал.

Во дворе ветер почти занес женские следы.

Экипаж княгини стоял у арки. На козлах сидел другой кучер — молодой, незнакомый.

Елизавета остановилась.

— Это не мой экипаж.

Молодой человек на козлах резко дернул вожжи.

Лошади рванули вперед.

Соболев успел схватить княгиню за руку и оттащить от колес. Экипаж пронесся мимо, ударил полозьями по каменному столбу и исчез за аркой.

На снегу остался небольшой сверток, выброшенный из дверцы.

Лебедев подбежал со ступеней.

Соболев поднял сверток.

Внутри лежала темно-коричневая обложка книги.

Третий том «Свода законов Российской империи».

Переплет был разрезан.

Тайник пуст.

К коже булавкой прикололи записку:

«Следующее тело вы увидите сами».

Елизавета прочла и медленно побледнела.

Соболев перевернул обложку.

На внутренней стороне темнел отпечаток черного сургуча.

Не двуглавый орел.

Перевернутая четырехлепестковая лилия.

Такая же, как на перстне княгини.

Глава III. След на черном сургуче

«Преступник, оставляющий знак, всегда надеется, что его поймут неправильно».

Из записной книжки Дмитрия Петровича Соболева

Черный сургуч блестел на внутренней стороне разрезанного переплета, как засохшая кровь.

Соболев держал обложку за края, не касаясь оттиска. Ветер во дворе архива усилился, подхватывал снег с мостовой и бросал его под арку. Лошади исчезнувшего экипажа уже не были видны, но стук копыт еще несколько секунд отдавался между стенами.

Лебедев первым пришел в себя.

— За ними!

Он бросился к служебным саням, стоявшим у входа, однако Соболев остановил его:

— Поздно.

— Мы еще можем догнать.

— На чем? На архивной кляче?

— Тогда вызвать городского.

— И что он сделает? Арестует первый серый экипаж, который увидит?

Лебедев с досадой оглянулся на арку.

— Значит, позволим им уйти?

— Они уже ушли. Теперь надо понять, зачем приезжали.

Елизавета стояла рядом, не замечая снега, оседавшего на ее шляпе и плечах. Она смотрела только на черную лилию.

Соболев перевел взгляд с оттиска на ее перстень.

— Снимите кольцо.

Княгиня медленно подняла глаза.

— Вы полагаете, что это приказ?

— Пока просьба.

— А если я откажусь?

— Тогда просьба станет приказом.

Несколько мгновений она не двигалась. Затем стянула перчатку и сняла тяжелый перстень. Металл оказался старым, почти черным, а камень — не ониксом, как подумал Соболев сначала, а темным гранатом, настолько густого цвета, что на свету в нем проступал багровый оттенок.

Он взял кольцо носовым платком.

— Лебедев, принесите из кабинета Артемьева свечу, сургуч и чистую бумагу.

— Сейчас.

Александр Сергеевич исчез в здании.

Елизавета наблюдала за Соболевым.

— Вы считаете, что печать поставлена моим кольцом?

— Это и собираюсь установить.

— Тогда сэкономлю вам время. Перстень не является печаткой.

— Почему?

— Рисунок вырезан слишком глубоко и обращен правильно. Оттиск получился бы зеркальным.

Соболев посмотрел внимательнее.

Она была права.

Лилия на камне была предназначена для того, чтобы ее видели, а не для переноса на сургуч. Чтобы оставить такой

же прямой рисунок, матрица должна была содержать зеркальное изображение.

— Вы разбираетесь в гравировке, — заметил он.

— Я уже говорила: отец собирал печати.

— Коллекция сохранилась?

— Частично.

— Где она?

— В моем доме.

— Кто имеет к ней доступ?

— Я. Моя камеристка. Управляющий — если знает, где искать ключ.

— А матрица с лилией среди печатей есть?

Елизавета ответила не сразу.

— Была.

— Когда исчезла?

— Семь лет назад.

— После смерти вашего мужа?

— За несколько дней до нее.

Соболев вернул ей кольцо, но не позволил надеть.

— Продолжайте.

— В коллекции отца хранилась серебряная матрица с таким же знаком. Без рукояти, только плоский диск. Отец говорил, что получил ее в Вене от русского дипломата, умершего при странных обстоятельствах.

— Имя дипломата?

— Не называл.

— Вы не спрашивали?

— Мне было шестнадцать лет. В этом возрасте дочери редко интересуются мертвыми дипломатами.

— А позднее?

— Отец отрицал, что когда-либо рассказывал о матрице. Соболев нахмурился.

— Он забыл?

— Мой отец ничего не забывал.

Лебедев вернулся со свечой, двумя палочками сургуча и листами архивной бумаги. Они укрылись от ветра в маленькой привратничке, где пахло мокрой шерстью, дровами и дешевым табаком.

Соболев нагрел сургуч и прижал к нему перстень.

Оттиск вышел смазанным, но различимым.

Лилия действительно оказалась зеркальной и отличалась мелкими деталями: на кольце нижний лепесток был уже, а у черного оттиска на переплете все четыре лепестка имели одинаковую ширину.

— Не ваше кольцо, — признал Лебедев.

— Какая неожиданность, — сухо сказала Елизавета.

Соболев не отреагировал.

Он положил рядом два изображения.

— Но рисунки связаны. Не копия с копии. Один мастер или один образец.

— Что это меняет? — спросила княгиня.

— Пока ничего. Но человек, поставивший черную печать,

хотел, чтобы мы подумали о вас.

— Или хотел напомнить мне, что знает знак.

— Есть разница?

— Огромная.

— Объясните.

Елизавета надела перстень.

— Если это обвинение, он пытается столкнуть нас. Если предупреждение — он обращается ко мне.

— А если подпись?

Она посмотрела на него.

— Тогда вы имеете дело с человеком, который считает себя неприкосновенным.

Лебедев развернул найденную записку.

— «Следующее тело вы увидите сами». Это угроза или обещание?

— И то и другое, — сказал Соболев.

— Кому?

— Нам всем.

Он снова осмотрел переплет.

Кожа была разрезана острым инструментом вдоль внутреннего шва. Работали торопливо, но умело. На ткани сохранились волокна бумаги.

— Документ здесь находился, — произнес он. — Его вынули недавно.

— До того, как выбросили обложку? — спросил Лебедев.

— Вероятно.

— Значит, признание у человека из экипажа.

— Или у того, кому он передал.

Елизавета провела пальцем над разрезом, не касаясь.

— Вы уверены, что в книге было именно признание?

— Артемьев сказал вам это.

— Он мог ошибиться.

— Или солгать?

— Николай Егорович не был святым.

— Вы хорошо его знали?

— Достаточно, чтобы не идеализировать.

— Как вы познакомились?

Княгиня отвернулась к маленькому окну.

За стеклом служители архива пытались выяснить, кому принадлежал исчезнувший экипаж. Богданов метался между ними, отдавая противоречивые распоряжения.

— Полгода назад мне прислали копию страницы из старого реестра, — сказала Елизавета. — На ней встречалась фамилия моего мужа.

— Кто прислал?

— Неизвестно.

— Конверт?

— Без обратного адреса.

— Печать?

— Не было.

— Почерк?

— Печатные буквы.

— Страница сохранилась?

— Да.

— Где?

— В моем доме.

— И вы принесли ее Артемьеву?

— Я просила проверить номер дела.

— Четыре тысячи триста восемьдесят семь?

Она повернулась.

— Вы уже знаете номер.

— Знаю. Но хочу услышать от вас.

— Да.

— Почему вы не сказали об этом в кабинете?

— Потому что там появился Ремезов.

— Вы его боитесь?

— Нет.

— Тогда почему замолчали?

— Потому что он боялся услышать номер.

Соболев вспомнил короткую паузу товарища министра, когда прозвучало обозначение дела. Ремезов действительно знал больше, чем признал.

— Что было на копии?

— Фраза: «Тело опознано князем Андреем Владимировичем Вяземским и представителем канцелярии». Ниже стояла дата.

— Какая?

— Двадцать седьмое августа 1889 года.

Лебедев удивился.

— Но ваш супруг тогда был...

— Ребенком? Нет. Ему было двадцать два.

— Кого он опознавал?

— Именно это я пыталась выяснить.

— Артемьев нашел дело?

— Сначала утверждал, что номер относится к назначению судьи в Вятской губернии. Через месяц признался, что запись заменили.

— И продолжил искать.

— Да.

— Почему помогал вам?

Елизавета медленно произнесла:

— Потому что двадцать один год назад он сам внес ложную запись в реестр.

Соболев замер.

— Артемьев?

— Тогда он был младшим архивным чиновником. Получил приказ уничтожить первоначальное название дела и заменить его другим.

— От кого?

— Не сказал.

— Почему признался вам?

— Совесть. Старость. Страх. Выберите объяснение, которое вам больше нравится.

— Мне не нравятся объяснения, которые подходят ко все-

му.

— Тогда считайте, что он хотел искупить вину.

— Такие люди редко начинают раскаиваться без причины.

— Причина появилась. Кто-то стал искать дело раньше меня.

— Человек в сером пальто?

— Возможно.

Соболев сложил переплет и записку в отдельный кожаный пакет.

— Нам нужно осмотреть место, где стоял экипаж.

— Там уже прошли служители, — сказал Лебедев.

— Поэтому они и называются служителями, а не следователями.

Они вышли во двор.

Снег у арки был истоптан, однако на том месте, где остановился чужой экипаж, сохранились глубокие борозды от полозьев. Соболев присел и осмотрел их. Один полоз оставлял неровный след, будто был поврежден или недавно отремонтирован.

Рядом в снегу блеснул маленький металлический предмет.

Лебедев поднял его.

— Пуговица.

Она была из темной латуни, с изображением якоря и литерами «Б. П.».

— Морская форма? — предположил он.

Соболев взял пуговицу.

— Не военная. Частная.

Елизавета посмотрела.

— Балтийское пароходство.

— Уверены?

— Мой муж часто пользовался их судами между Петербургом и Гельсингфорсом. У служащих были такие пуговицы.

— Старые или современные?

— Не знаю.

Соболев очистил металл от снега.

На обратной стороне сохранилось клеймо мастерской.

— Пуговица оторвана давно. Края петельки потемнели. Ее могли бросить намеренно.

— Чтобы привести нас к пароходству? — спросил Лебедев.

— Или заставить думать о Финляндии и смерти князя Вяземского.

Елизавета внимательно посмотрела на него.

— Вы не верите ни одной улике?

— Верю всем. Но не сразу.

Из здания выбежал молодой служитель.

— Господин Соболев! Александр Сергеевич! Начальник архива просит вас немедленно подняться.

— Что произошло?

— Пропал сторож.

— Какой?

— Ночной. Тихон Матвеевич. Его нигде нет.

Соболев взглянул на Лебедева.

— Когда видели в последний раз?

— Утром. Он разговаривал с господами, которые забрали документы.

— Куда мог уйти?

— Домой не возвращался. Жена прислала мальчика узнать, почему его нет.

Они быстро поднялись на второй этаж.

Богданов ждал у кабинета Артемьева. В руках он держал журнал дежурств.

— Я нашел запись, — сказал он. — Тихон расписался в семь утра. Значит, был здесь после смерти Николая Егоровича.

— Кто сменил его?

— Дневной сторож. Но Тихон не передал ключи.

— Какие ключи у него были?

— От входа, нижних хранилищ и черной лестницы.

— Второй выход?

— Во внутренний переулок.

— Почему вы не сообщили о нем раньше?

Богданов растерялся.

— Вы не спрашивали.

Соболев взглянул на Лебедева.

— Проверьте черную лестницу. Никого не берите.

Елизавета сделала шаг следом.

— Я иду с вами.

— Нет.

— Вы собираетесь оставить меня с человеком, который не замечает исчезновения сторожа и документов?

Богданов оскорбленно поднял голову.

— Княгиня!

— Сергей Иванович, вы замечаете только то, о чем вам позволяют составить доклад.

Соболев прервал:

— Оставайтесь здесь.

— Почему?

— Потому что человек из записки обещал нам следующее тело. Я не знаю, кого он выбрал.

— И потому решили держать меня на виду?

— Именно.

— Наконец-то честный ответ.

Они спустились по узкому коридору к двери, скрытой за шкафом с описями. Замок оказался открыт. Отсюда начиналась каменная лестница без ковров и ламп.

Внизу пахло углем, сырой кладкой и чем-то металлическим.

Лебедев зажег фонарь.

— Кровь? — тихо спросил он.

— Возможно.

На третьей ступени темнело небольшое пятно.

Дальше следы повторялись.

Редкие.

Будто раненый человек спускался, держась за стену.

У нижней площадки лежала связка ключей.

Соболев не стал поднимать.

— Тихон?

— Скорее всего.

За дверью находился узкий двор-колодец, зажатый между архивом и соседним ведомственным домом. Снег здесь почти не падал. Земля была покрыта тонкой ледяной коркой.

Следы вели к сараю.

Дверь была прикрыта.

Лебедев достал револьвер.

Соболев жестом велел ему отойти в сторону и толкнул створку тростью.

Внутри висели старые мундиры, стояли ящики и сломанная мебель. Свет фонаря выхватил сапоги, торчащие из-за груды мешков.

Тихон Матвеевич лежал на спине.

Ему было около шестидесяти. Серое лицо застыло в гримасе удивления. На виске виднелась рана, но крови было слишком мало, чтобы она стала причиной смерти.

Соболев присел рядом.

На губах сторожа сохранился белый налет.

— Яд? — спросил Лебедев.

— Или лекарство.

В правой руке покойный сжимал клочок бумаги.

Лебедев осторожно разжал пальцы.

На листке было написано одно слово:

«Кронштадт».

— Он успел написать? — спросил Александр Сергеевич.

Соболев рассмотрел пальцы сторожа.

На них не было чернил.

— Нет. Бумагу вложили после смерти.

— Очередная подсказка.

— Очередное направление.

— Пароходство, Финляндия, теперь Кронштадт. Нас куда-то ведут.

— Или гонят по кругу.

Он осмотрел одежду Тихона. На груди не хватало одной пуговицы.

Та, что нашлась у экипажа, могла принадлежать ему, но оставшиеся пуговицы были простыми, костяными.

В кармане обнаружили табак, складной нож, несколько монет и ключ меньшего размера, не входивший в связку.

— От чего он? — спросил Лебедев.

— Узнаем.

На внутренней стороне воротника виднелась темная полоска.

Соболев наклонился.

— Понюхайте.

Лебедев приблизился.

— Миндаль.

— Слишком явный.

— Цианистый калий?

— Возможно. Но запахом любят подчеркивать то, что следователь должен заметить.

В этот момент снаружи раздался крик.

Они выбежали во двор.

На верхней площадке черной лестницы стояла Елизавета.

Позади нее мелькнула чья-то тень.

— Осторожно! — крикнул Соболев.

Княгиня обернулась.

Из темноты появилась рука и толкнула ее в спину.

Елизавета потеряла равновесие.

Лебедев бросился вверх, но был слишком далеко.

Соболев успел встать под лестницей и поймал княгиню, когда она сорвалась с последних ступеней. Удар отбросил их к стене. В глазах на мгновение потемнело.

Наверху хлопнула дверь.

Лебедев помчался следом.

Елизавета тяжело дышала. Шляпа слетела, волосы рассыпались по плечам.

— Вы ранены?

— Нет.

— Кто это был?

— Не видела.

— Он что-нибудь сказал?

Она кивнула.

— Одно слово.

— Какое?

— «Анна».

Соболев замер.

— Вас так звали?

Елизавета посмотрела на него.

В ее глазах впервые появился настоящий страх.

— Нет.

— Тогда почему вы испугались?

— Потому что это имя знали только три человека.

— Кто?

— Мой отец. Мой муж.

Она перевела взгляд на мертвого сторожа.

— И человек, которого похоронили вместо него.

Глава IV. Имя, которого не было

«Чужое имя можно носить годами. Но достаточно одному человеку произнести его вслух — и оно становится уликой».

Из записной книжки Дмитрия Петровича Соболева

Лебедев вернулся через несколько минут.

По его лицу Соболев сразу понял, что погоня закончилась ничем.

— Ушел через верхний коридор, — сказал Александр

Сергеевич, тяжело дыша. — Там две двери и служебный переход в соседнее здание. Я столкнулся с переписчиком, но он никого не видел.

— Или сделал вид, что не видел.

— Я велел запретить выходы.

— Поздно.

— Возможно, он еще внутри.

— Тогда сейчас снимает пальто, садится за стол и изображает возмущенного чиновника, которому мешают работать.

Лебедев посмотрел на Елизавету.

Она стояла у стены, придерживая рукой ушибленное плечо. Волосы выбились из прически, на щеке появилась тонкая красная царапина, но держалась княгиня по-прежнему прямо.

— Вы уверены, что человек сказал именно «Анна»? — спросил Александр Сергеевич.

— Я еще не дошла до той степени испуга, когда начинаю путать собственные имена.

— Но вас зовут Елизавета.

— Именно поэтому слово и запомнилось.

Соболев поднял с пола ее шляпу, стряхнул пыль и подал.

— Вы сказали, это имя знали три человека.

— Да.

— Ваш отец, муж и человек, похороненный вместо него.

— Я сказала не совсем так.

— Вы сказали именно так.

Елизавета надела шляпу, но не опустила вуаль.

— Тогда я выразилась неосторожно.

— Неосторожность свидетеля часто полезнее признания.

— Вы намерены допрашивать меня рядом с трупом?

Соболев посмотрел на тело сторожа.

— Нет. Здесь нам больше делать нечего.

— А Тихон?

— Его осмотрит судебный врач. Я уже видел достаточно, чтобы не поверить в естественную смерть.

Лебедев поднял найденный ключ.

— От чего он?

— Выясним у Богданова.

Соболев задержал взгляд на узкой бородке ключа. Металл был новый, а головка — старая, с затертым орнаментом. Кто-то заменил рабочую часть, сохранив прежнюю ручку.

— Не кладите к остальным уликам, — сказал он. — Держите отдельно.

— Думаете, его подменили?

— Думаю, у нас слишком много предметов, которые хотят быть найденными.

Они поднялись по лестнице.

На верхней площадке уже собрались служащие. Несколько переписчиков стояли у стены, вытягивая шеи. Богданов безуспешно пытался оттеснить их.

Увидев княгиню живой, он заметно успокоился.

— Что случилось?

— Ваш архив обзавелся третьим выходом, — сказал Соболев.

— Каким?

— Тем, через который только что ушел человек, пытавшийся убить княгиню.

По коридору прошел шепот.

Богданов побледнел.

— Это невозможно.

— Удивительно, как часто сегодня звучит это слово.

— Все выходы охраняются.

— Значит, охраняют их не те люди или не от тех.

Соболев обвел взглядом сотрудников.

Большинство выглядело напуганными. Один пожилой переписчик крестился. Молодой чиновник с узким лицом смотрел не на княгиню, а на ее перстень. Когда заметил взгляд Соболева, быстро отвел глаза.

— Ваше имя? — спросил Дмитрий Петрович.

Молодой человек вздрогнул.

— Михаил Петрович Сиверцев.

— Вы видели этот знак прежде?

— Какой знак?

— На перстне княгини.

— Нет.

— Тогда почему смотрите именно на него?

Сиверцев растерялся.

— Камень необычный.

— Лилия тоже.

— Я не разбираюсь в гербах.

— Это не герб.

— Тогда не знаю.

Соболев запомнил его лицо.

— Никого не отпускать до выяснения, — сказал он Богданову. — Составьте список всех, кто находился в здании с полуночи.

— Люди будут возмущены.

— Пусть возмущаются письменно. Такие бумаги полезно хранить в архиве.

Он передал распоряжения Лебедеву, затем повернулся к княгине.

— Мы едем к вам.

— Почему?

— Вы обещали показать письмо мужа, копию реестра и коллекцию печатей.

— Я ничего не обещала.

— Теперь обещаете.

— Вы всегда распоряжаетесь чужим временем?

— Только когда кто-то пытается столкнуть его владельца с лестницы.

Елизавета посмотрела на дверь, за которой находился кабинет Артемьева.

— Хорошо.

Они вышли через главный вход.

У арки ожидал нанятый Соболевым экипаж. Княгиня села первой. Дмитрий Петрович устроился напротив. Лебедев остался в архиве.

Несколько минут ехали молча.

Снег прекратился окончательно. В облаках появились светлые разрывы, и город сразу стал резче: черные ветви деревьев, серая гранитная набережная, темные фасады домов.

Елизавета смотрела в окно.

— Вы не спросили, не больно ли мне.

— Больно?

— Да.

— Теперь спросил.

Она повернулась.

— Вы странный человек.

— Мне говорили.

— Вы поймали меня, когда я падала, но сразу после этого начали допрос.

— Если бы я начал допрос раньше, возможно, вы бы не упали.

— Это шутка?

— Нет.

Княгиня снова отвернулась.

— Меня действительно звали Анной.

Соболев не изменился в лице.

— Когда?

— До шестнадцати лет.

— Почему вы сменили имя?

— Я его не меняла.

— Тогда объясните.

— Анной меня называл отец. Только он. Елизаветой — все остальные.

— Домашнее имя?

— Нет. Скорее... имя, которое принадлежало другой девочке.

Соболев ждал.

— У моей матери до меня родилась дочь, — продолжила Елизавета. — Она умерла в младенчестве. Ее звали Анной. Через два года родилась я. Отец иногда называл меня ее именем.

— Ошибался?

— Сначала я тоже так думала. Потом поняла, что он делал это намеренно.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы никогда не спрашивали?

— Спрашивала. Он отвечал: «Так безопаснее».

— Для кого?

— Именно этого не объяснил.

— Ваш муж знал?

— Однажды услышал, как отец назвал меня Анной. Спросил. Я рассказала.

— А третий человек?

Елизавета сжала пальцы.

— Это сложнее.

— У нас достаточно времени.

— Нет, Дмитрий Петрович. Времени как раз нет. Тот, кто произнес это имя в архиве, хотел, чтобы я поняла: он знает о семье то, чего знать не должен.

— Вы сказали, имя знал человек, похороненный вместо вашего мужа.

— Потому что он был моим братом.

Экипаж качнуло на повороте.

Соболев несколько секунд молчал.

— Вы говорили, что тело опознали брат вашего мужа и чиновник из Петербурга.

— Да.

— А теперь утверждаете, что в гроб положили вашего брата?

— Я не утверждаю. Я допускаю.

— На основании чего?

— Через месяц после похорон исчез мой старший брат, Сергей Андреевич Верейский.

— Исчез?

— Уехал из Петербурга и больше не вернулся.

— Куда?

— По его словам, в Финляндию.

— Вы обращались в полицию?

— Да.

— Результат?

— Мне сообщили, что он пересек границу и отправился дальше, в Швецию.

— Вы поверили?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он оставил дома паспорт.

Соболев нахмурился.

— Как тогда пересек границу?

— Вот именно.

— Когда вы начали подозревать подмену тела?

— Не сразу. Лишь после письма мужа.

— «Не верь телу, которого не видела».

— Да.

— Вы считаете, он предупреждал, что похоронили не его?

— Или что тело принадлежало человеку, которого я должна была узнать.

— Вашему брату.

— Возможно.

— Почему ваш брат мог оказаться рядом с мужем в Финляндии?

— Они были знакомы задолго до нашего брака.

— Близко?

— Иногда мне казалось, слишком близко.

— Что это значит?

Елизавета долго не отвечала.

— Они вместе участвовали в каких-то делах отца.

— Каких?

— Я не знаю. Отец служил в дипломатическом ведомстве.

В доме бывали люди, которых не представляли. Андрей и Сергей часто уезжали по его поручениям.

— В Финляндию?

— Да. В Кронштадт. В Ревель. Иногда за границу.

— И вы никогда не интересовались?

— До брака мне не позволяли. После брака Андрей просил не задавать вопросов.

— Удобная семья.

Она холодно посмотрела на него.

— Не все женщины считают непослушание добродетелью.

— Но вы, судя по всему, научились.

— Слишком поздно.

Экипаж свернул на Английскую набережную.

Дом княгини стоял недалеко от Благовещенского моста. Узкий фасад из серого камня выглядел сдержанно. Над входом не было герба, только маленький балкон с кованой решеткой.

Дверь открыл пожилой дворецкий.

Увидев хозяйку, он облегченно выдохнул.

— Елизавета Андреевна! Слава Богу.

— Что случилось, Филипп?

— Мария Яковлевна пропала.

Княгиня остановилась.

— Когда?

— После вашего отъезда. Я послал ее к доктору узнать о Федоре. Она не вернулась.

— А кучер?

— Умер.

На лице Елизаветы исчезли остатки цвета.

— Когда?

— Час назад. Доктор сказал, сердце не выдержало.

Соболев вмешался:

— Где тело?

Дворецкий посмотрел на него.

— В людской. А вы...

— Дмитрий Петрович Соболев.

Имя подействовало.

Филипп выпрямился.

— Прошу следовать за мной.

Они прошли через вестибюль, где пахло воском и сухими цветами, затем по длинному коридору в служебную часть дома.

Федор лежал на узкой кровати, накрытый серым одеялом. Рядом стоял врач — молодой человек в пенсне. Он собирал инструменты в саквояж.

— Причина смерти? — спросил Соболев.

— Ослабленное сердце после отравления.

— Чем отравили?

— Полагаю, хлоралгидратом. Доза была велика.

— Вы уверены?

— Симптомы соответствуют.

Соболев откинул одеяло.

На руках кучера не было повреждений. На губах — никакого белого налета. На шее виднелась маленькая красная точка.

— Что это?

Врач наклонился.

— Укол?

— Вы осматривали шею?

— Нет. Я полагал, яд дали внутрь.

Соболев прикоснулся к коже вокруг отметины.

— След свежий.

— Возможно, инъекция камфоры.

— Вы делали?

— Нет.

Княгиня стояла у двери.

— Кто был рядом с Федором после моего отъезда?

Дворецкий ответил:

— Мария Яковлевна. Потом приходил господин доктор.

Еще молодой человек из аптеки принес лекарство.

— Какой молодой человек?

— В сером пальто, — сказал врач.

Соболев повернулся.

— Вы его видели?

— Только со спины. Он передал флакон и ушел.

— Флакон где?

Врач достал из саквояжа темную бутылочку.

Этикетка была аптечная, с печатью.

Соболев осмотрел.

— Какая аптека?

— На Гороховой.

— Вы проверили содержимое?

— Нет. Мария сказала, что это назначение домашнего врача.

— Но вы не домашний врач?

— Меня вызвали позже.

— Кто вызвал?

— Камеристка.

— Мария?

— Да.

— Лично?

— Прислала записку.

— Покажите.

Врач достал сложенный лист.

Почерк был аккуратный, женский.

«Прошу немедленно приехать. Федору хуже».

Подпись: «М. Яковлева».

Соболев передал записку Елизавете.

— Почерк вашей камеристки?

— Похож.

— Похож или ее?

— Не знаю.

— Вы читали ее письма?

— Она редко писала при мне.

— Значит, подпись могла быть подделана.

Врач нервно спросил:

— Вы считаете, кучера убили?

— Пока считаю, что его лечили люди, которых никто не знает.

Он взял флакон.

На сургучной аптечной печати была маленькая вмятина. Не лилия, не орел — обычный знак фармацевта. Но бумажная этикетка наклеена недавно, а стекло покрывал старый налет.

— Бутылочку использовали раньше, — сказал Соболев.

— Ее вымыли и наполнили заново.

Врач побледнел.

— Тогда внутри могло быть что угодно.

— Именно.

Княгиня подошла к кровати.

— Федор видел человека у архива.

— Поэтому и умер, — сказал Соболев.

— А Мария?

— Либо ее похитили, либо она ушла сама.

— Она не могла.

— Почему?

— Служит у меня девять лет.

— Это не препятствие.

Елизавета резко обернулась.

— Вы подозреваете всех?

— Пока только живых.

Он попросил оставить тело нетронутым и распорядился вызвать судебного врача. Затем они поднялись в жилую часть дома.

Кабинет княгини оказался просторным и почти лишенным женских украшений. На стенах висели старые карты Европы, портрет отца и несколько морских пейзажей. У окна стоял высокий шкаф с выдвижными ящиками.

— Коллекция? — спросил Соболев.

— Да.

Елизавета сняла с шеи тонкую цепочку с ключом и открыла шкаф.

Внутри находились десятки футляров, альбомы с оттисками, гербовые матрицы и небольшие коробки с сургучом разных цветов.

Соболев сразу заметил пустое место на средней полке.

— Здесь лежала серебряная матрица с лилией?

— Да.

— Только она исчезла?

Княгиня осмотрела полки.

— Нет.

Она выдвинула ящик.

— Пропал альбом отца.

— Что в нем было?

— Описания печатей и имена людей, которым они принадлежали.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Три дня назад.

— Кто знал о шкафе?

— Мария.

— Управляющий?

— Нет.

— Ваш муж?

— Конечно.

— Сергей?

— Да.

Соболев осмотрел замок.

Следов взлома не было.

— Открывали ключом.

— Ключ всегда при мне.

— Второй экземпляр?

— Не существовало.

— Вы уверены?

— Отец заказал замок у венского мастера.

— Мастера тоже делают копии.

Елизавета подошла к письменному столу и достала из тайника плотный конверт.

— Вот письмо Андрея.

Сургуч сохранился целиком.

Двуглавый орел.

Та же трещина на правом крыле.

Соболев положил рядом оттиск с письма Артемьева.

— Одна матрица.

— Я знала.

— Не обязательно. Дефект могли скопировать.

— Кто стал бы копировать трещину?

— Тот, кто хотел доказать, что печать подлинна.

Он развернул письмо.

На листе стояла одна фраза:

«Не верь телу, которого не видела».

Под ней не было подписи.

— Вы уверены, что почерк мужа?

— Да.

— Сравним с другими письмами.

Елизавета достала связку корреспонденции.

Соболев долго изучал строки.

Почерк действительно совпадал, но в одном месте буква

«т» была написана иначе.

— Ваш муж менял написание этой буквы?

— Иногда.

— В каких случаях?

— Не замечала.

— А ваш брат?

Она медленно подняла глаза.

— Что вы хотите сказать?

— Письмо мог написать Сергей.

— Нет.

— Вы только что признались, что они работали вместе.

Возможно, знали почерки друг друга.

— Сергей не стал бы издеваться надо мной.

— Возможно, это не издевательство.

Соболев поднес бумагу к свету.

В водяном знаке проступила дата изготовления.

1906 год.

— Ваш муж погиб в 1904-м.

Елизавета подошла ближе.

— Что?

— Бумагу изготовили не раньше 1906 года.

Она вырвала лист, посмотрела на знак и побледнела.

— Это невозможно.

— Снова это слово.

— Я получила письмо через три дня после похорон.

— Тогда либо вы ошибаетесь в дате, либо письмо подменили.

— Кто мог?

Соболев перевел взгляд на пустое место в шкафу.

— Человек, имевший ключ.

В коридоре послышались быстрые шаги.

Дворецкий вошел без стука.

В руках у него был маленький поднос.

— Елизавета Андреевна, это нашли у парадной двери.

На подносе лежала женская перчатка.

Черная, шелковая.

К ней булавкой прикрепили записку.

Княгиня узнала перчатку сразу.

— Марии.

Соболев развернул лист.

«До вечера отдайте письмо и перстень. Иначе камеристка расскажет полиции, кто на самом деле живет под именем княгини Вяземской».

Елизавета прочла.

Несколько секунд она стояла неподвижно.

Затем медленно села.

Соболев положил записку на стол.

— Кто на самом деле живет под вашим именем?

Она подняла на него глаза.

В них больше не было ни высокомерия, ни раздражения.

Только усталость человека, слишком долго ждавшего этого вопроса.

— Не Елизавета Андреевна Вяземская.

— Это я понял.

— Настоящая княгиня умерла семь лет назад.

— Когда?

— В ту же ночь, когда якобы погиб мой муж.

Соболев молчал.

— А вы кто?

Женщина посмотрела на собственное отражение в тем-

ном стекле шкафа.

— Анна Андреевна Верейская.

— Сестра Сергея?

— Да.

— А Елизавета?

— Моя младшая сестра.

— Вы говорили, что сестра умерла младенцем.

— Так записано в метрической книге.

— Но это ложь?

— Нет. Ложь появилась позже.

Она сняла перстень с черной лилией и положила перед ним.

— Младенцем умерла Анна.

Соболев не шевельнулся.

— Тогда кто вы?

Женщина едва слышно ответила:

— Я не знаю...

Глава V. Две метрические записи

«Когда два документа одинаково убедительно доказывают противоположное, искать следует не ошибку писца, а человека, которому понадобились обе версии».

Из записной книжки Дмитрия Петровича Соболева

— Я не знаю.

Признание прозвучало тихо, но не беспомощно.

Женщина, называвшая себя Елизаветой Андреевной Вяземской, сидела у письменного стола, положив перед собой перстень с черной лилией. Она не отводила глаз и не пыталась смягчить сказанное слезами или красивыми объяснениями.

Соболев стоял у окна.

За стеклом медленно двигалась Нева — тяжелая, темная, покрытая у берегов неровным льдом. По Английской набережной проходили экипажи, и город продолжал жить так, словно в доме княгини не умер человек, не исчезла камеристка и не обнаружилось, что хозяйка особняка носит имя, которое, возможно, никогда ей не принадлежало.

— Это не ответ, — сказал Дмитрий Петрович.

— Другого у меня нет.

— У каждого человека есть имя.

— У каждого человека есть имя, которым его называют.

Это не одно и то же.

— Вы помните свое детство?

— Да.

— Родителей?

— Отца — хорошо. Мать умерла, когда мне было девять лет.

— Брата Сергея?

— Конечно.

— Вы помните, чтобы в доме одновременно жила другая

девочка вашего возраста?

— Нет.

— Значит, вы не сомневаетесь, что Анна и Елизавета — одна и та же женщина.

Она посмотрела на него с раздражением.

— Я сомневаюсь не в собственном существовании, Дмитрий Петрович. Я сомневаюсь в том, какое из двух имен было данным мне при рождении и кем в действительности были люди, записанные моими родителями.

Соболев обернулся.

Этот ответ был важнее всего сказанного прежде.

Перед ним находилась не потерявшая память женщина и не беспомощная жертва чужого обмана. Она прекрасно помнила свою жизнь. Но документы, на которых строилась эта жизнь, противоречили друг другу.

— Когда вы впервые узнали о двух метрических записях?

— После смерти отца.

— Сколько вам было лет?

— Двадцать три года.

— Кто показал документы?

— Его поверенный, Лев Самойлович Файнберг.

— Он жив?

— Не знаю. Несколько лет назад уехал в Берлин.

— Почему вы до сих пор не пытались его найти?

— Пыталась. Письма возвращались.

— Что именно передал вам Файнберг?

Елизавета поднялась, подошла к книжному шкафу и вынула с нижней полки узкую шкатулку. Она была изготовлена из черного дерева, с потемневшими серебряными накладками.

— Эти бумаги не хранились в коллекционном шкафу, — сказала она. — Поэтому их не похитили.

Она отперла шкатулку вторым ключом и положила перед Соболевым два сложенных листа.

Первый был старым, с выцветшими чернилами и церковной печатью. Второй выглядел немного свежее, но также был составлен много лет назад.

Дмитрий Петрович не прикоснулся к ним сразу.

— Подлинники?

— Выписки из метрических книг.

— Когда получены?

— Первая — моим отцом в 1881 году. Вторая — поверенным уже после его смерти.

Соболев развернул старший документ.

Выписка была выдана церковью Святого Пантелеймона и сообщала, что у статского советника Андрея Павловича Верейского и законной супруги его Софьи Николаевны двадцать шестого апреля 1878 года родилась дочь Анна. Крещение состоялось через два дня. Восприемниками значились дипломатический чиновник Владимир Обручев и княгиня Варвара Дмитриевна Вяземская.

На полях другой рукой было приписано:

«Младенец Анна скончалась десятого января 1879 года от горячки».

Под записью стояла подпись священника и круглая приходская печать.

Соболев развернул второй лист.

Церковь Вознесения Господня на Гороховой улице удостоверяла, что у тех же родителей двадцать шестого апреля 1878 года родилась дочь Елизавета. Крещение — двадцать девятого апреля. Восприемники были другими: сенатор Сергей Ланской и вдова генерал-майора Екатерина Одоевская.

Одна дата рождения.

Одни родители.

Два прихода.

Два имени.

Два крещения.

— Какой документ использовался в вашей жизни? — спросил Соболев.

— Второй. Я всегда была Елизаветой Верейской. Под этим именем меня принимали в институт, под ним я венчалась с Андреем Вяземским.

— А первая выписка?

— Лежала в бумагах отца.

— Почему он получил ее в 1881 году, если ребенок умер двумя годами ранее?

— Не знаю.

Соболев поднес оба листа к свету.

Бумага отличалась. Первая выписка была составлена на обычном листе церковной канцелярии, вторая — на дорогой бумаге с водяным знаком.

— Вы проверяли книги в самих церквях?

— Андрей проверял.

— Ваш муж?

— Да. Незадолго до нашей свадьбы я рассказала ему о документах. Он сказал, что все выяснит.

— И что выяснил?

— В книге Святого Пантелеймона запись об Анне существовала. В Вознесенской церкви — запись о Елизавете.

— Обе подлинные?

— Так он утверждал.

— Вы сами не видели?

— Нет.

— Почему доверились?

Елизавета едва заметно усмехнулась.

— Тогда я еще считала, что жена может доверять мужу.

Соболев снова изучил первую выписку.

Запись о рождении и приписка о смерти заметно различались. Не только чернилами. Рука писца в основном тексте была твердая, округлая, с привычным наклоном вправо. Приписку сделали более резким почерком. Буквы почти не соединялись.

— Здесь сказано, что смерть зарегистрирована в январе 1879 года, — произнес он. — Но приписка могла появиться

позднее.

— Насколько позднее?

— Это можно установить только по оригиналу.

— Вы думаете, ребенок не умер?

— Пока думаю, что кто-то хотел, чтобы его считали умершим.

Он сложил документы.

— Мы едем в церковь Святого Пантелеймона.

— Сейчас?

— Записи имеют неприятную привычку исчезать, когда ими начинают интересоваться.

— Я поеду с вами.

— Нет.

— Это касается моей жизни.

— Именно поэтому вы останетесь здесь.

Елизавета холодно посмотрела на него.

— Вы опасаетесь, что я уничтожу книгу?

— Я опасаясь, что человек, уже похитивший альбом и письмо, следит за вами. Если мы приедем вместе, он поймет, что именно ищем.

— Он и так знает.

— Знание и подтверждение — разные вещи.

— Вы снова распоряжаетесь мной.

— Попросите дворецкого запереть двери. Никого не впускать, даже знакомых. Особенно знакомых.

— А если вернется Мария?

— Ее впустить. Но прежде убедиться, что она пришла одна.

Соболев уже направился к двери, когда Елизавета сказала:

— Дмитрий Петрович.

Он остановился.

— Мой отец называл меня Анной не постоянно. Только когда мы оставались вдвоем. И каждый раз после этого проверял, закрыта ли дверь.

— Это началось до или после получения первой выписки?

Она задумалась.

— Я не знаю.

— Постарайтесь вспомнить.

— Впервые... кажется, после поездки отца в Варшаву. Мне было лет семь.

— Он вернулся один?

— Нет. С ним приехал молодой человек.

— Имя?

— В доме его называли Николаем.

— Фамилия?

— Не произносили. Он прожил у нас около месяца, а затем исчез.

— Как выглядел?

— Темные волосы. Светлые глаза. На левой руке не хватало двух пальцев.

— Возраст?

— Около двадцати пяти.

— Он интересовался вами?

— Однажды спросил, помню ли я свое крещение.

Соболев вернулся на шаг.

— Что вы ответили?

— Что мне было несколько дней от роду.

— А он?

— Сказал: «Это хорошо. Значит, вам легче будет поверить правильной версии».

Несколько секунд Дмитрий Петрович молчал.

— Почему вы не рассказывали этого раньше?

— Потому что до сегодняшнего дня считала фразу бессмысленной.

— В этой истории слишком много бессмысленных фраз, которые люди начинают понимать после чьей-то смерти.

Он вышел.

Лебедев ждал в передней. Он вернулся из архива менее четверти часа назад и успел получить известие о смерти кучера.

— Богданов прислал человека, — сказал Александр Сергеевич. — Сторожа Тихона отравили цианистым калием. Удар по голове нанесен уже после смерти.

— Чтобы объяснить кровь на лестнице?

— Кровь не его. Другая группа, если верить врачу.

— Значит, по лестнице спускался раненый убийца или еще один свидетель.

— Есть и другое. Ключ из кармана Тихона не подходит ни

к одному замку в архиве.

— Я ожидал.

— Куда едем?

— К Святому Пантелеймону.

Они покинули дом княгини.

До церкви добрались менее чем за полчаса. Колокольня возвышалась над заснеженной улицей, темная и строгая. У входа сидела нищенка, закутанная в несколько платков. Увидев чиновничьи шинели, она спрятала руку, протянутую за милостыней.

Внутри было полутемно. Пахло воском, ладаном и сырой одеждой прихожан. Служба закончилась, возле икон оставались несколько старух.

Настоятеля нашли в ризнице. Отец Василий оказался крупным седым человеком с тяжелым взглядом.

— Метрические книги за 1878 и 1879 годы? — переспросил он. — По какому делу?

— Служебная проверка, — ответил Соболев.

— От полиции?

— От здравого смысла. Но при необходимости появится и бумага.

Священник долго смотрел на него, затем позвал церковного писаря.

Книги хранились в маленькой комнате за алтарем, в шкафу с железными дверцами. Писарь, худой пожилой человек с чернильными пальцами, принес два тяжелых тома.

— Кто имел к ним доступ? — спросил Соболев.

— Настоятель, я, прежний отец Алексей. Иногда из консистории приезжают.

— В последние недели кто-нибудь просматривал 1878 год?

Писарь задумался.

— Один господин приходил.

— Когда?

— Дня четыре назад.

— Имя?

— Сказал, что чиновник из духовной консистории.

— Удостоверение показывал?

— Бумагу с печатью.

— Какой?

— Не разглядел.

Лебедев тихо вздохнул.

Соболев открыл книгу рождений.

Запись об Анне Вере́йской нашлась быстро. Она занимала обычную строку среди десятков других младенцев. Дата, родители, приемники — все совпадало с выпиской.

Но приписки о смерти здесь не было.

— Смерти записываются в отдельной книге, — пояснил писарь.

Они открыли том за 1879 год.

В январской части отсутствовал один лист.

Его вырезали близко к корешку.

Писарь перекрестился.

— Этого не может быть.

— Может, — сказал Лебедев. — Мы сегодня часто убеждаемся.

Соболев осмотрел разрез.

Края пожелтели неравномерно. Лист удалили давно — не несколько дней назад и даже не несколько лет.

— Есть копии в консистории? — спросил он.

— Должны быть ежегодные ведомости.

— Кто вел книгу в 1879 году?

— Отец Павел Добровольский.

— Он жив?

— Умер в девяносто втором.

— Писарь?

Старик приблизил лицо к титульной странице.

— Семен Федорович Полетаев.

— Он?

— Жив, кажется. После службы открыл писчебумажную лавку где-то на Васильевском острове.

Соболев достал первую выписку.

— Узнаете почерк приписки?

Писарь долго смотрел.

— Не отца Павла. И не Полетаева.

— Печать?

— Наша старая. Но ею пользовались до восемьдесят шестого.

— Где матрица сейчас?

— Должна быть в шкафу.

Матрицу нашли в запертой коробке. Печать совпадала с оттиском на выписке, включая маленький скол у внешнего ободка.

— Значит, документ составили до 1886 года, — сказал Лебедев.

— Или позднее, используя старую матрицу.

Отец Василий нахмурился.

— Вы подозреваете кого-то из церкви?

— Подозреваю человека, имевшего доступ к печати и бумаге.

— Это мог быть любой служащий.

— Именно.

Соболев попросил список чиновников консистории, посещавших приход в 1881 году. Таких сведений на месте не оказалось.

Перед уходом он снова взглянул на запись о рождении Анны.

В графе восприемников значилась княгиня Варвара Дмитриевна Вяземская.

— Родственница мужа нашей княгини? — спросил Лебедев уже на улице.

— Его тетка. Та самая фамилия появилась в жизни девочки задолго до брака.

— Значит, брак Елизаветы и Андрея мог быть не случай-

НЫМ.

— В семьях такого уровня браки редко случайны.

— Едем в Вознесенскую церковь?

— Сначала к Полетаеву. Если он дожил до наших вопросов.

Писчебумажную лавку нашли на Четвертой линии Васильевского острова. Над дверью висела выцветшая вывеска: «С. Ф. Полетаев. Бумага, чернила, конторские принадлежности».

За прилавком сидел маленький сухой старик в круглых очках. Услышав фамилию Верейских, он выронил перо.

— Я ничего не помню.

— Я еще не задал вопроса, — сказал Соболев.

— Все равно не помню.

— В таком случае ваша забывчивость поразительно точна.

Полетаев попытался уйти в заднюю комнату, но Лебедев встал у двери.

— Мы не полиция, — спокойно сказал Соболев. — Пока. Старик облизнул губы.

— Прошло больше тридцати лет.

— Тем легче говорить. Большинство участников умерли.

— Не все.

— Кого вы боитесь?

Полетаев посмотрел на окно.

На противоположной стороне улицы стоял человек в длинном сером пальто. Лицо скрывал поднятый воротник.

Соболев резко обернулся.

Незнакомец сразу пошел прочь.

— За ним, — бросил Дмитрий Петрович.

Лебедев выбежал из лавки.

Соболев остался со стариком.

— Теперь вы понимаете, что молчание вас не спасает.

Полетаев тяжело опустился на стул.

— Запись о смерти принес человек из консистории.

— Имя?

— Не знаю. Документ был подписан, печать стояла.

— Когда?

— Не в январе семьдесят девятого.

— А когда?

— Осенью восемьдесят первого.

— Через два с половиной года после указанной смерти?

— Да.

— Кто велел внести запись задним числом?

— Отец Павел.

— Почему?

— Ему передали конверт.

— Что в нем было?

— Деньги. И письмо.

— От кого?

Полетаев закрыл глаза.

— От Андрея Павловича Верейского.

— Отца девочки?

— Да.

— Значит, отец сам объявил дочь умершей.

— Я не знаю.

— Вы видели письмо?

— Только подпись.

— Что стало с исходным листом книги смертей?

— Запись внесли на свободной строке. Через несколько лет страницу вырезали.

— Кто?

— Не знаю.

— Вы знаете больше.

Старик затряс головой.

— После этого отец Павел велел мне забыть имя Верейских. Сказал, что девочка жива, но для церкви должна умереть.

— Какая девочка? Анна?

— Он назвал другое имя.

— Какое?

Полетаев посмотрел на Соболева.

— Елизавета.

В лавку вернулся Лебедев.

— Ушел. Сел в пролетку на углу. Номер закрыт грязью.

Соболев не отвел взгляда от старика.

— Повторите.

— Отец Павел сказал: «Запомни, Семен. Умерла Елизавета. Анна должна жить».

— Но в книгу внесли смерть Анны.

— Да.

— Почему?

— Не знаю. Я спросил. Он ответил, что имена еще могут поменяться.

Снаружи раздался резкий треск.

Оконное стекло разлетелось.

Полетаев дернулся и схватился за грудь.

В деревянную стойку позади него вонзилась пуля.

Лебедев бросился к окну, но улица уже опустела.

Соболев повалил старика на пол.

— Вы ранены?

Полетаев ощупал себя.

— Нет.

Пуля прошла в нескольких вершках от его головы.

К ней был привязан клочок черной ткани.

Соболев осторожно развернул его.

На ткани серебряной нитью вышили четырехлепестковую лилию.

— Теперь они знают, что вы заговорили, — сказал он.

Старик заплакал.

— Я больше ничего не знаю.

— Знаете. Кто получил вторую выписку?

— Какую?

— О крещении Елизаветы в Вознесенской церкви.

Полетаев замер.

— Такой записи не должно было быть.

— Но она есть.

— Тогда кто-то нарушил уговор.

— Какой уговор?

Старик прошептал:

— Девочке должны были оставить только одно имя.

— Какое?

— То, которое выберет княгиня Вяземская.

Соболев медленно поднялся.

Все дороги снова вели к фамилии мужа Елизаветы.

Не к Андрею Вяземскому, которого она встретила много лет спустя, а к женщине, присутствовавшей при крещении в 1878 году.

Княгине Варваре Дмитриевне Вяземской.

— Она жива? — спросил Лебедев.

Полетаев кивнул.

— Живет под Петербургом. В имении Черная Речка.

Соболев спрятал ткань с лилией.

— Мы поедем к ней завтра.

— Почему не сейчас?

— Потому что сначала проверим вторую книгу.

Вознесенская церковь встретила их вечерним звоном. Сумерки уже опустились на город, когда ризничий принес метрический том за 1878 год.

Запись о Елизавете Вереysкой находилась на месте.

Соболев прочел ее дважды.

Почерк основного текста совпадал с соседними строками. Запись сделали в положенное время.

Но одна деталь отличала ее от остальных.

В графе о восприемниках фамилия сенатора Ланского была написана поверх другого имени. Нижние чернила выскоблили, однако под боковым светом проступали несколько букв.

Лебедев поднес лампу ближе.

— Можно прочесть?

— Первую букву.

— «В»?

— Да.

— Вяземская?

— Возможно.

Соболев осмотрел поле возле записи.

Там стоял крошечный знак, похожий на перевернутый цветок. Не печать — всего лишь чернильная помета, которую легко принять за случайную кляксу.

Четыре лепестка.

Черная лилия.

— Кто вел книгу? — спросил он ризничего.

— Дьякон Алексей Колычев.

— Сохранились его бумаги?

— После смерти часть передали племяннику. Он служит в канцелярии Министерства юстиции.

— Имя племянника?

Ризничий заглянул в старую опись.

— Николай Егорович Артемьев.

Лебедев медленно выпрямился.

— Значит, Артемьев знал о двух записях задолго до встречи с княгиней.

— Или должен был узнать, разбирая бумаги дяди.

— Поэтому дело номер 4387 оказалось у него?

— Возможно.

Соболев провел пальцем рядом с черной лилией, не касаясь бумаги.

Николай Артемьев не случайно помогал Елизавете.

Его связь с ее прошлым началась не полгода назад и даже не в 1889 году.

Она началась в день ее крещения.

Когда они вернулись на Английскую набережную, было уже темно.

У дома княгини стояла полицейская карета.

Дверь оказалась распахнута. В передней толпились городовые. Дворецкий Филипп сидел на стуле, прижимая платок к разбитой голове.

— Что произошло? — спросил Соболев.

Филипп поднял на него мутный взгляд.

— Они забрали Елизавету Андреевну.

— Кто?

— Люди из министерства.

— По какому обвинению?

— Сказали, она не имеет права носить это имя.

На полу возле лестницы лежала раскрытая черная шка-
тулка.

Обе метрические выписки исчезли.

Вместо них внутри находился свежий документ с печатью
духовной консистории.

Соболев развернул его.

Это была третья метрическая запись.

В ней сообщалось, что двадцать шестого апреля 1878 года
у неизвестной женщины родилась девочка, получившая при
крещении имя Мария. Родители не указаны. Восприемницей
значилась княгиня Варвара Дмитриевна Вяземская.

Внизу другой рукой было приписано:

«Передана на воспитание в дом статского советника Ан-
дрея Павловича Верейского».

Лебедев прочел через его плечо.

— Третье имя.

— Нет, — сказал Соболев. — Третья версия.

Он перевернул документ.

На обороте стоял черный сургучный оттиск лилии и ко-
роткая фраза:

«Из трех девочек только одна существовала. Определите,
какая, прежде чем она умрет во второй раз».

Глава VI. Похороны без вдовы

«Тело опознают по лицу. Ложь — по тому, кому запрещают смотреть».

Из записной книжки Дмитрия Петровича Соболева

Полицейская карета стояла у дома княгини так, словно ее оставили намеренно.

Лошади были распряжены, фонари погашены, кучера поблизости не оказалось. На дверце виднелся герб городской полиции, но Соболеву хватило одного взгляда, чтобы заметить ошибку: корона над щитом была старого образца, замененного несколько лет назад. Настоящие полицейские кареты перекрасили еще при прежнем градоначальнике.

— Поддельная? — спросил Лебедев.

— Или списанная.

— На такой можно проехать через полгорода, и никто не остановит.

— Именно поэтому ее здесь оставили.

Соболев поднялся на подножку и осмотрел салон. На сиденье лежала тонкая стружка красного дерева, на полу — несколько капель воска и обрывок грубой серой нити. Никаких следов борьбы.

— Елизавета села сама, — сказал он.

— Или ее заставили.

— В таком случае Филипп услышал бы крик.

Дворецкий сидел в передней, все еще прижимая платок к разбитой голове. Он был бледен, но сознания не терял.

— Расскажите еще раз, — велел Соболев. — Медленно. С самого начала.

Филипп с трудом поднялся.

— После вашего отъезда Елизавета Андреевна приказала запереть обе двери. Я выполнил. Примерно через час поступали.

— Кто?

— Двое господ. Один в форме судебного ведомства, другой в штатском.

— Представились?

— Старший назвался коллежским советником Нечаевым. Показал бумагу с печатью.

— Вы прочли?

Филипп опустил глаза.

— Елизавета Андреевна сама прочла.

— Что было в бумаге?

— Распоряжение доставить ее для объяснений в Министерство юстиции.

— Она поверила?

— Не сразу. Спросила, по чьему приказу. Господин ответил: товарища министра Ремезова.

Соболев и Лебедев переглянулись.

— Что сделала княгиня?

— Сказала, что поедет, но сначала переоденется. Поднялась наверх. Вернулась через десять минут в дорожном платье и с маленькой сумкой.

— Она взяла перстень?

— Нет. Перстень остался на столе в кабинете.

— Вы уверены?

— Сам видел.

Соболев вспомнил черную шкатулку и исчезнувшие метрические записи.

— Кто ударил вас?

— Второй человек. После того как Елизавета Андреевна вышла, я хотел закрыть дверь. Он сказал, что должен дожидаться городского. Я повернулся — и больше ничего не помню.

— Почему они оставили карету?

— Не знаю.

— Вы видели, как она уехала?

— Нет.

Соболев подошел к окну. Следы на снегу возле подъезда были перемешаны, но за полицейской каретой стоял другой экипаж — легкие сани на узких полозьях. Они уехали в сторону набережной.

— Ее пересадили, — произнес он. — Карета нужна была только как декорация.

Лебедев осмотрел оставленный салон.

— Красная древесная стружка.

— От ящика или гроба.

— Гроба?

Соболев не ответил.

Мысль появилась слишком рано, но он уже видел связь. Похищенная женщина, поддельное полицейское распоряжение, третья метрическая запись и старая смерть, при которой вдове не позволили увидеть тело.

Кто-то снова разыгрывал похороны.

— Где находится фамильный склеп Вяземских? — спросил он Филиппа.

— В имении под Выборгом. Но Андрей Владимирович похоронен не там.

— Где?

— На кладбище при церкви Святого Николая в поселке Рантала, недалеко от границы.

— Почему?

— Так распорядился старший брат покойного. Сказал, перевозить тело опасно из-за жары.

— В каком месяце он умер?

— В сентябре.

— Жара в Финляндии?

Филипп беспомощно развел руками.

— Я только передаю, что мне сказали.

— Кто сопровождал гроб?

— Князь Владимир Владимирович, господин Костомаров и двое слуг.

— Елизавета?

— Ее не взяли.

— Почему?

— Она была больна.

— Так утверждала сама княгиня?

— Нет. Доктор.

— Имя врача?

— Алексей Степанович Ширин.

— Жив?

— Насколько знаю, да.

Соболев повернулся к Лебедеву.

— Вы останетесь здесь. Узнайте, существует ли Нечаев, кто выдал распоряжение и где сейчас Ремезов. Осмотрите комнату княгини: что она взяла, что оставила, какие бумаги исчезли кроме метрических записей.

— А вы?

— Поеду к врачу.

— Один?

— Чем меньше людей, тем меньше вопросов исчезает по дороге.

...

Доктор Ширин жил на Петроградской стороне, в большом доходном доме с аптекой на первом этаже. Дверь открыл пожилой лакей и сообщил, что хозяин принимает больных только по предварительной записи.

Соболев показал удостоверение.

— Передайте, что я пришел не лечиться.

Через минуту его провели в кабинет.

Алексей Степанович Ширин оказался грузным мужчиной

лет шестидесяти пяти с мягкими руками и влажными глазами. Его борода была тщательно расчесана, на жилете висела тяжелая золотая цепочка.

— Дмитрий Петрович Соболев, — повторил он. — Фамилия знакомая.

— Это не всегда хорошая новость.

Доктор нервно улыбнулся.

— Чем могу служить?

— Семь лет назад вы лечили княгиню Елизавету Вяземскую.

— Лечил многих.

— После гибели ее мужа.

Ширин отвел взгляд.

— Страшная история.

— Что именно было страшным?

— Потеря супруга. Нервная горячка. Несколько дней она почти не вставала.

— Почему ее не допустили к опознанию тела?

— Она была слишком слаба.

— Настолько, что не могла войти в соседнюю комнату?

— Тело находилось в Финляндии.

— Почему не позволили поехать?

— Я запретил.

— На каком основании?

— Ее состояние угрожало жизни.

— Вы осматривали тело князя?

— Нет.

— Тогда откуда знали, что оно не пригодно для опознания?

Ширин промокнул лоб платком.

— Мне сообщили.

— Кто?

— Князь Владимир Владимирович.

— Старший брат погибшего?

— Да.

— Он просил вас удержать вдову в Петербурге?

— Не такими словами.

— Какими?

Доктор поднялся, подошел к шкафу и налил себе воды.

— Дмитрий Петрович, прошло семь лет. Зачем ворошить несчастье?

— Потому что сегодня исчезла женщина, которую вы тогда оставили без похорон мужа.

Стакан дрогнул в руке Ширина.

— Исчезла?

— Ее увезли под видом официального ареста.

— Кто?

— Я надеялся, вы скажете.

— С чего бы?

— Потому что вы уже однажды помогли кому-то удалить ее из важной сцены.

Доктор резко поставил стакан.

— Я врач, а не заговорщик.

— Иногда достаточно выписать успокоительное и закрыть дверь.

— Она была больна!

— Чем?

— Истерическим расстройством.

— Удобный диагноз.

— Вы оскорбляете мою профессию.

— Нет. Я проверяю вашу память.

Соболев достал копию третьей метрической записи.

— Вы знали, что княгиня носит чужое имя?

Ширин побледнел.

— Что это?

— Документ. Один из трех.

— Я ничего не знаю.

— Тогда почему вы не спрашиваете, какое имя чужое?

Доктор молчал.

Соболев подошел ближе.

— Кто находился рядом с вами в ночь смерти князя?

— Я был в Петербурге.

— Кто сообщил о гибели?

— Костомаров.

— Лично?

— Да.

— Во сколько?

— Поздно вечером.

— Что он сказал?

— Что лодка перевернулась. Князь утонул. Тело нашли.

— В тот же день?

— Кажется.

— Но официально тело обнаружили через шесть суток.

Ширин закрыл глаза.

Ошибка была слишком явной.

— Я мог перепутать.

— Нет. Вы запомнили не то, что произошло, а то, что вам сообщили прежде официальной версии.

Доктор тяжело опустился в кресло.

— Вы не понимаете.

— Объясните.

— Андрей Владимирович был связан с людьми, против которых обычные законы бессильны.

— Черная лилия?

Ширин вздрогнул.

— Кто вам сказал?

— Значит, название вам знакомо.

— Я не произносил названия.

— Но узнали.

Доктор долго смотрел на закрытую дверь.

— В ночь перед сообщением о смерти ко мне пришел человек. Он сказал, что княгиня должна оставаться дома три дня. Ни с кем не встречаться, не выходить, не читать газет.

— Почему?

— Не объяснил.

— Вы согласились?

— Он показал письмо с подписью князя.

— Андрея?

— Да.

— Что было написано?

— «Исполните просьбу. Это спасет ей жизнь».

— Письмо сохранилось?

— Нет. Человек забрал.

— Как выглядел?

— Молодой. Темные волосы. Светлые глаза.

— Рука?

Доктор задумался.

— На левой была перчатка.

— Все время?

— Да.

Соболев вспомнил рассказ Елизаветы о Николае, жившем в доме ее отца.

— Вы узнали бы его?

— Теперь ему было бы около пятидесяти.

— Возможно, видели позже?

Ширин неожиданно поднял глаза.

— Видел.

— Где?

— На похоронах.

— Вы же утверждали, что не ездили в Финляндию.

— Я приехал позже. На следующий день после погребения.

— Зачем?

— Князь Владимир потребовал медицинское свидетельство.

— О смерти человека, которого вы не осматривали?

— Бумаги уже были составлены. Требовалась моя подпись.

— И вы подписали?

— Да.

— Почему?

— Потому что на кладбище меня встретил тот самый человек.

— Что он сказал?

— Что если я откажусь, вдова умрет до рассвета.

Соболев смотрел на него без сочувствия.

— Вы выбрали собственное спокойствие.

— Я выбрал ее жизнь.

— Не вам решать, что вы выбрали. Это решает результат.

Ширин закрыл лицо руками.

— Я видел гроб.

— Открытый?

— Нет.

— Тело?

— Нет.

— Значит, вы удостоверили смерть неизвестного челове-

ка.

— Да.

— Кто еще подписал?

— Костомаров. Князь Владимир. Местный исправник.

— Имя?

— Карл Рейнгольдович Берг.

— Жив?

— Не знаю.

— Могильщик?

— Старик по имени Матти Хейккинен. Он помогал опус-
кать гроб.

— Где его искать?

— В Рантале, если жив.

Соболев направился к двери.

— Дмитрий Петрович.

Он остановился.

— Человек, который угрожал мне... на его пальце был
черный перстень.

— С лилией?

— Нет.

— Что тогда?

— Печать с двуглавым орлом.

...

К вечеру Лебедев установил, что никакого коллежского
советника Нечаева в списках Министерства юстиции не су-
ществовало. Ремезов официально находился на заседании

комитета, хотя двое служителей утверждали, что видели его карету возле Английской набережной.

Из комнаты Елизаветы исчезли дорожный плащ, небольшой револьвер и фотография Андрея Вяземского. Драгоценности, деньги и документы остались.

— Она подготовилась к поездке, — сказал Лебедев. — Не к аресту.

— Значит, в приказе было нечто, заставившее ее поведить.

— Подпись Ремезова?

— Или упоминание места, которое знала только она.

На письменном столе нашли лист промокательной бумаги. Под боковым светом проступали обратные следы недавно написанной фразы.

Соболев поднес зеркало.

«Рантала. Старая церковь. До полуночи».

— Она знала, куда ее везут, — произнес Лебедев.

— И скрыла от Филиппа.

— Почему?

— Возможно, надеялась встретить человека из прошлого.

— Или мужа.

Соболев распорядился готовить сани и отправил срочную телеграмму местным властям. Ответ пришел поздно ночью: в Рантале проживает бывший могильщик Матти Хейккинен, семьдесят четыре года. Последние дни к нему приезжали неизвестные.

Они выехали до рассвета.

Дорога заняла почти весь день. За Петербургом снег стал глубже, леса плотнее, а редкие станции казались отрезанными от мира. В вагоне Соболев почти не говорил. Он перечитывал показания Ширина и изучал фотографию князя, найденную в пустой рамке — Лебедев успел взять копию из семейного альбома.

Андрей Вяземский был красивым мужчиной с прямым носом и светлыми глазами. Взгляд у него казался насмешливым, будто фотограф не заслуживал полной серьезности.

На левой руке, лежавшей на спинке кресла, виднелся тонкий шрам.

— Если князь жив, — сказал Лебедев, — зачем похищать жену сейчас?

— Чтобы она подтвердила его смерть.

— Через семь лет?

— Иногда ложь надежна, пока никто не открывает гроб.

...

В Ранталу они прибыли под вечер.

Церковь Святого Николая стояла у замерзшего озера. Маленькое кладбище уходило к соснам. Дом Матти Хейккинена находился за оградой, рядом с сараем.

Дверь была открыта.

Соболев вошел первым.

Внутри пахло дымом, рыбой и лекарствами. Старик сидел у печи, укрытый одеялом. Его седые волосы падали на плечи,

лицо было изрезано глубокими морщинами.

— Господин Хейккинен? — спросил Лебедев по-русски.
Старик поднял глаза.

— Я понимаю.

Соболев показал фотографию Андрея.

— Вы хоронили этого человека семь лет назад?

Матти долго смотрел.

— Хоронил гроб.

— Тело видели?

— Нет.

— Почему?

— Не позволили.

— Кто?

— Русский господин с усами. И другой, молодой.

— Гроб был тяжелым?

Старик неожиданно улыбнулся беззубым ртом.

— Вы первый спрашиваете правильно.

— Насколько тяжелым?

— Слишком легким для мужчины.

— Пустым?

— Не пустым. Внутри что-то было.

— Что?

— Не знаю. Но когда поднимали, внутри перекаатилось.

Лебедев нахмурился.

— Тело не перекаатывается в закрытом гробу.

— Если закреплено — нет.

— Вы сказали кому-нибудь?

— Сыну. Он умер.

— При каких обстоятельствах?

— Упал с лодки.

Соболев и Лебедев переглянулись.

— Кто приезжал к вам последние дни?

Матти указал на стол.

Там лежала черная лента и серебряная монета.

— Женщина.

— Какая?

— Красивая. Темные волосы. Назвалась вдовой.

— Елизавета?

Старик посмотрел на фотографию, затем покачал головой.

— Другая.

— Что она хотела?

— Чтобы я вспомнил похороны.

— Вы рассказали?

— Не все.

— Почему?

— Она знала имя человека в гробу.

В комнате стало тихо.

— Какое имя? — спросил Соболев.

Матти наклонился ближе.

— Сергей.

— Верейский?

Старик медленно кивнул.

— Откуда вы знаете фамилию?

— На внутренней крышке гроба была табличка. Я увидел, когда доска треснула.

— Что на ней было?

— «Сергей Андреевич Верейский».

Лебедев выдохнул.

— Значит, Елизавета была права.

— Пока лишь могильщик видел табличку, — сказал Соболев.

— Я не лгу, — обиделся Матти.

— Я этого не утверждал.

— Женщина тоже не поверила. Тогда я показал ей место.

— Какое место?

Старик указал в сторону кладбища.

— Гроб не в могиле князя.

Соболев замер.

— Где он?

— Под старой часовней.

— Почему?

— Через две ночи после похорон приехали люди. Выкопали гроб и перенесли.

— Кто приказал?

— Господин с печатью.

— С орлом?

— С черным цветком.

Снаружи хрустнул снег.

Соболев погасил лампу.

Лебедев достал револьвер.

За окном мелькнула тень.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Елизавета.

Платье было порвано у плеча, волосы растрепаны, в руке она держала маленький револьвер.

— Не стреляйте, — сказала она. — Они идут сюда.

— Кто? — спросил Соболев.

— Люди, которые привезли меня к могиле мужа.

Из темноты за домом раздался выстрел.

Стекло разбилось.

Матти дернулся и упал с кресла.

Пуля вошла ему в грудь.

Лебедев бросился к окну, ответил выстрелом. В лесу слышались быстрые шаги.

Соболев опустился рядом со стариком.

Кровь уже пропитывала рубаху.

— Где часовня? — спросил он.

Матти попытался поднять руку.

— За... церковью...

— Кто в гробу?

Старик открыл рот, но вместо ответа выдохнул кровь.

Елизавета стояла у стены, белая как снег за окном.

— Они хотели заставить меня увидеть вскрытие могилы,

— сказала она. — Хотели, чтобы я сама назвала покойника.

— Кого вы должны были узнать?

— Моего брата.

Соболев поднялся.

— Вы видели тело?

— Нет. Я бежала до того, как они открыли гроб.

— Почему?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что человек, стоявший у могилы, был моим мужем.

За церковью вспыхнуло зарево.

Старая часовня горела.

Пламя поднималось над кладбищем, освещая кресты и черные сосны. Кто-то уничтожал последнее место, где можно было проверить, кого похоронили семь лет назад.

Соболев выбежал из дома.

Лебедев уже бежал к огню.

Часть крыши часовни обрушилась. Изнутри донесся треск дерева, похожий на ломающееся человеческое ребро.

У входа в снегу лежала открытая крышка гроба.

На внутренней стороне сохранилась металлическая табличка.

Соболев наклонился.

Имя было выскоблено.

Но под ним различались первые буквы:

«Сергей Анд...»

Рядом на снегу темнел свежий след мужского сапога.

Он вел от часовни к лесу.

Елизавета подошла сзади.

— Андрей жив, — прошептала она.

Соболев смотрел на уходящие следы.

— Возможно.

— Я видела его лицо.

— Семь лет — долгий срок. В огне и темноте люди узнают

тех, кого хотят увидеть.

— Я не ошиблась.

— Тогда ответьте на один вопрос.

Она молчала.

— Почему ваш муж, если он действительно хотел скрыться, привез вас к гробу человека, похороненного вместо него?

Елизавета медленно повернула голову к горящей часовне.

— Чтобы я наконец поняла, кто умер.

— Нет, — сказал Соболев. — Чтобы вы подтвердили, кто должен считаться живым.

В этот момент из леса донесся одинокий выстрел.

Потом — крик.

Лебедев исчез между деревьями.

Соболев выхватил револьвер и бросился следом.

На снегу становилось все больше крови.

Но следы принадлежали не одному человеку.

Их было три.

Глава VII. Человек с чужим лицом

«Сходство убеждает быстрее доказательств. Именно поэтому двойник опаснее лжеца».

Из записной книжки Дмитрия Петровича Соболева

Следы уходили в лес тремя расходящимися цепочками.

Одна была широкой и глубокой — человек бежал тяжело, проваливаясь в снег почти до щиколотки. Вторая тянулась ровнее, с одинаковым расстоянием между отпечатками. Третий след едва различался: узкий каблук, легкая поступь, осторожные шаги.

Соболев задержался лишь на мгновение.

— Женщина, — сказал он.

Елизавета, стоявшая позади, посмотрела на снег.

— Не я.

— В этом я пока уверен.

Из глубины леса донесся хруст веток.

Потом короткий крик.

Соболев выбрал след с широкими отпечатками и бросился вперед. Снег бил в лицо, ветви цепляли пальто. Свет горячей часовни оставался за спиной, превращая стволы сосен в черные решетки.

Впереди мелькнула фигура Лебедева.

— Сюда! — крикнул Александр Сергеевич.

Он стоял у поваленной березы. На снегу лежал мужчина в

темной куртке. Руки его были раскинuty, лицо обращено к небу. Над правой бровью темнела глубокая рана. Револьвер валялся в стороне.

— Жив? — спросил Соболев.

Лебедев приложил пальцы к шее.

— Да. Без сознания.

— Пуля?

— Нет. Ударили рукоятью или камнем.

Соболев присел.

Мужчина был молод, лет тридцати. На воротнике куртки виднелись следы сорванных знаков различия. В кармане нашли несколько финских монет, железнодорожный билет до Выборга и маленький свисток.

— Не стрелок, — сказал Соболев.

— Почему?

— Пороха на рукавах нет. И револьвер не стрелял.

Лебедев проверил барабан.

— Все патроны на месте.

— Он преследовал кого-то, как и мы.

— Или делал вид.

Из-за деревьев появилась Елизавета.

— Я велел вам остаться у дома, — сказал Соболев.

— Вы не велели. Вы побежали.

— Для вас это одно и то же?

— Обычно.

Она взглянула на лежащего мужчину.

— Я его видела.

— Где?

— У часовни. Он был среди тех, кто привез меня.

— Имя?

— Не называл.

— Какую роль играл?

— Охранял дорогу. Но когда появился Андрей, этот человек испугался.

— Испугался вашего мужа?

— Не его. Человека рядом с ним.

— Какого?

Елизавета закрыла глаза, будто восстанавливала сцену.

— Высокого, в сером пальто. Лица я не видела. Он держался в стороне и не подходил к огню.

Соболев осмотрел снег вокруг. Широкий след лежащего мужчины обрывался здесь. Ровные отпечатки продолжались на север, к озеру. Женский след уходил вправо, к дороге.

— Лебедев, оставайтесь с ним. Приведите в чувство, если сможете. Я проверю второй след.

— Один?

— Княгиня останется с вами.

— Нет, — сказала Елизавета.

— Это не предложение.

— Человек, которого вы ищете, может быть моим мужем.

— Тем более вам следует остаться.

— Я получила записку.

— Где она?

— Потеряла.

— Печать?

Елизавета молчала.

Соболев посмотрел на ее перстень.

— Черная лилия? Значит вы снова скрыли важную улику.

— Иначе вы бы меня не отпустили.

— Вот именно.

Он не стал продолжать спор и пошел по ровным следам.

Лес становился гуще. Через несколько минут запах дыма ослаб. Впереди слышался плеск воды подо льдом.

Следы вывели к берегу озера.

На снегу виднелась длинная борозда от саней. Человек пересел в них и уехал вдоль замерзшей кромки. Рядом лежала оброненная перчатка из серой кожи.

Соболев поднял ее платком.

Внутри на подкладке были вышиты инициалы:

«А. В.»

Он долго смотрел на буквы.

Андрей Вяземский.

Анна Верейская.

Артемов мог тоже носить имя на «А», но фамилия не совпадала.

Инициалы ничего не доказывали. Именно поэтому их оставили.

В нескольких шагах от перчатки темнело пятно крови. Из

него тянулась короткая цепочка следов к проруби.

Соболев наклонился.

На краю льда лежала пуговица, покрытая инеем. Серебряная, с гербом Вяземских.

Он узнал герб по старой фотографии: щит, разделенный диагональю, и бегущий олень под княжеской короной.

Дмитрий Петрович посмотрел на темную воду.

Кто-то хотел, чтобы он решил: Андрей Вяземский ранен, упал в прорубь и снова исчез без тела.

Слишком знакомый способ умереть.

Соболев убрал пуговицу в футляр и вернулся.

Молодой мужчина уже сидел, прислонившись к дереву. Лебедев держал у его лица флягу. Елизавета стояла чуть поодаль.

— Имя? — спросил Соболев.

Раненый посмотрел мутно.

— Федор Лапин.

— Служба?

— Пограничная стража.

— Знаки различия кто сорвал?

— Они.

— Кто?

Лапин сглотнул.

— Люди из Петербурга. Имена не знаю. Приказ пришел через начальство.

Соболев присел перед ним.

— Кто встретил женщину?

— Господин в сером пальто. И другой.

— Второй назвался Андреем Вяземским?

— Нет.

— Как его называли?

Лапин нахмурился.

— «Третий».

— Именно так?

— Да.

Лебедев и Соболев переглянулись.

— Почему вы побежали за ними? — спросил Дмитрий Петрович.

— Когда часовню подожгли, серый велел застрелить старика. Я отказался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.